

ИРИНА БОБРОВА
ЮРИЙ ШИЛЯЕВ

РУДНИК «ВЕСЕЛЫЙ»

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

**Юрий Шиляев
Ирина Боброва
Рудник «Веселый»
Серия «Сибирский
приключенческий роман»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34354976

Рудник «Весёлый»: Вече; М.; 2015

ISBN 978-5-4444-9219-2

Аннотация

Никогда не знаешь, чем может закончиться увеселительная поездка на природу. Вот и главный герой нового романа известных сибирских писателей Аркадий отправился на турбазу в Горном Алтае да во время вынужденной ночевки по дороге встретил странного человека, подарившего ему за кусок хлеба огромный золотой самородок из заброшенного древнего рудника. Но Аркадий даже в кошмарном сне представить себе не мог последствия этой случайной встречи!..

Содержание

Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Ирина Боброва,
Юрий Шиляев
Рудник «Весёлый»**

© Боброва И., Шиляев Ю., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

В самом центре великого Евразийского континента раскинулась горная страна – Алтай-батюшка. Или Алтайская горная система, как указывается в учебниках географии. Много сказаний, легенд сложилось об этом таинственном месте, о высоких горах под снежными шапками, о бескрайних степях, о горных пустынях и о несметных богатствах Алтайской земли. Люди, испокон веков живущие здесь, легенд не замечают, поневоле становясь их участниками, живя в этих легендах и сказках. Здесь каждая гора, каждый валун, каждый ручей и каждый источник обладают великой силой. Дороги, серпантинном влетающие в горы, ведут не только к вершинам, порой они неожиданно обрываются в пропасть.

Попутчиков на Алтае берут всегда, кто бы ни голосовал, подвозят – закон такой. Сегодня ты не подвезёшь – завтра тебя в пятидесятиградусный мороз никто не подберёт на пустынной дороге. Аркадий об этом вспомнил, только когда заглох мотор. А ведь километров десять назад тормозил какой-то бродяга. Бомж – не бомж, а доверия не вызывал. «Подбери такого – салон не выветришь, дорогими ароматами не отобьёшь застарелый запах перегара, махорки и немытого тела», – подумал Аркадий и не остановился. А сейчас вот стоит сам на обочине и машет рукой – хоть бы один притормозил! Здоровенная фура промчалась по тракту, даже не

сбавив ходу, пустой лесовоз тоже прогромыхал мимо. Обычно лесовозы останавливаются, даже гружёные, а тут пустой – и мимо. Аркаша злился – ночевать на дороге не очень хотелось, тем более что до цели оставалось минут тридцать быстрой езды. Ехал на туристическую базу, где его ждали, но на звонок с просьбой привезти бензина ему ничего внятного не ответили. «Перепились уже», – подумал незадачливый автомобилист, готовясь к незапланированной ночёвке под открытым небом.

Спать в машине не хотелось, звездное небо чашей накрывало горы, воздух тёплый, в тайге ухает филин – давно такого не было. Вся его жизнь – города и дороги, вокзалы и аэропорты, гостиницы и рестораны, иногда камеры в тюрьмах... Он хмыкнул, подумав: «Кто знает, может, оно и к лучшему, что машина заглохла? Когда ещё выпадет случай так вот, тихо, спокойно подумать о делах». Время сейчас такое – стремительное, страшное время, но для него оно, что манна небесная с неба. Кто-то растерялся, кто-то потонул, но он – Аркадий Цапиков – на коне!

Аркаша усмехнулся, подумав, что из собравшихся на базе нет ни одного, кто хотя бы на миг оторвал башку от салата и задумался над тем, что происходит в стране. А у него жизнь удалась! Удалась... почти. Не беден, чего прибедняться, но и не богат – особо хвалиться нечем. Как на велосипеде: пока крутишь педали – катишься, а вот куда прикатишься?... Так и у него жизнь – пока вертится, вроде бы барин, а не дай бог

остановиться... «А вот остановиться действительно не дай бог, – подумал Аркадий, – свои же утопят»...

Стемнело. Быстро, как это бывает в горах – вот только светило солнце и вдруг темнота, стоило светилу скрыться за вершинами. Не бывает в горах сумерек, тут либо свет, либо тьма – без переходов, полутонов, полусвета...

Аркадий нашарил в багажнике фонарь – батарейки, к счастью, рабочие, осветил вокруг. Собрал хворосту, разжёг костерок, присел рядом. Раскрыл пакет с продуктами – хорошо, закупил для общего стола. Выложил на газету булку бородинского, ржаного, снял с колбасы пластиковую упаковку, порадовавшись, что взял в нарезке – нож куда-то запропастился – и, нанизав на прутик пластинки сервелата, поднёс его к огню...

– Христа ради... – послышалось из темноты. – Мил-человек, Христа ради, хлебушка. Столько хлебушка не видел, настоящего хлебушка – русского, печеного, поделись, будь мил!

Аркадий дёрнулся, от неожиданности выпустив из рук импровизированный шашлык. На лету успел подхватить прут и тут же отшвырнул в сторону, обжёгшись.

– Чёрт! – воскликнул он, жалея испорченный ужин.

– Спасибо, мил человек! Ох, спасибо! – донеслось до него.

Аркадий схватил фонарь и направил луч на голос.

– Вот бомжара!!! – разозлился он, узнав мужика, недавно голосовавшего на обочине.

Человек, не обращая внимания на свет, ел. Ел поджаренный сервелат так, как едят величайшую святыню – откусывал маленькие кусочки и долго, тщательно пережёвывал, смакуя каждую крошку. Аркаша усмехнулся: вот ведь говорят всегда старики, что если дал Бог попутчика, надо брать. Помнится, на зоне старик, полжизни просидевший за убийство, рассказывал, что никогда не знаешь, насколько Бог дал попутчика – на час, до места доехать, или на всю жизнь. Не хотел бы он такого вот на всю жизнь в спутники заиметь, удача, мягко говоря, сомнительная. На вид бомжу лет пятьдесят – пятьдесят пять, хотя мог и ошибиться, борода всегда старит. Борода у мужика солидная, окладистая. Бывший поп? Нет, вряд ли, хотя речь очень уж специфическая... И одет странно: брезентовый плащ почти до пола, из-под него выглядывают сапоги неопределённого цвета, на голове фуражка с треснутым, отсвечивающим лаком козырьком. Словно из фильма про двадцатые годы выпрыгнул – не то пастух, не то пограничник?

– Тебя как кличут-то, мил человек? – спросил бомж.

– Зови Ваней, не ошибёшься, – зачем-то соврал Аркадий.

– А хлебушка, Ваныша, у тебя, случаем, нет?

Он облизал прут, отложил его в сторону, с сожалением вздохнув, и тут же вцепился голодным взглядом в продукты, разложенные на газете.

– Да ты совсем обнаглел, старик! – Аркадий отметил, что возмущения почему-то нет, и хохотнул – беззлобно. Ситуа-

ция его развлекала.

– Не старик я, сорок вёсен прожил с хвостиком небольшим, и зубы все целы. А за хлеб заплачу. Держи вот! – и бродяга, откинув полу, порылся в котомке, висящей через плечо под плащом. Аркадий увидел широкие раструбы галифе, но удивиться не успел – бомж выудил и протянул ему увесистый камень.

Усмехнувшись, будто в темноте разглядел удивлённое непонимание на лице собеседника, он поскрёб тёмный край камня ногтем, и самородное золото тускло блеснуло в свете фонаря. Аркадий вытаращил глаза: быть не может, чтобы самородок такого размера – и у бродяги!..

– Да не сомневайся, настоящее, вот бумага из Пробырной палаты, – сказал тот, будто в темноте увидел, как вытянулось лицо Аркадия, и, снова запустив руку в котомку, достал свёрнутый в трубочку лист бумаги, встряхнул его, вытягивая вперёд руку. – Ты бери, только хлеба мне дай. Бумагу-то на, возьми, без неё не сдашь в казну – не примут. А перекупщикам продавать али китайцам – себе дороже, семь шкур сделут, да и ещё в полицию донос напишут. Ты мне хлеба дай, мил человек, хлебушка охота шибко – русского, печёного. Так эти лепёшки обрыдли, будь они неладны!

Аркадий молча взял с импровизированного стола булку бородинского и протянул чудному человеку, отметив, что зубы у него действительно целые, блестящие – тот улыбался во весь рот, глядя на хлеб – радостно, счастливо, глаза сверк-

нули молодым блеском.

– Ржаной, – всхлипнул бродяга, понюхав кирпичик бородинского хлеба, – ржаной...

По щекам текли слёзы, но человек не замечал этого, по крошке отщипывая корочку и медленно прожёвывая. Лицо выражало такое наслаждение, такое счастье, такое умиротворение, что, засветись сейчас вокруг головы бомжа нимб, Аркадий не удивился бы. Скорее удивляло, почему нимба нет?!

– Бред какой-то, – пробормотал Аркадий, зажмурившись, чтобы прогнать морок, но золотой самородок в его руке был настоящим, и бумага с двуглавым орлом подтверждала это. Да и сам он видел, что старый чудака не врёт. Но всё равно бормотал «бред, бред, бред»...

Раздался стук копыт – оглушающий, нереальный, будто с горных круч неслась конница. Ошарашенный, оглушённый, Аркадий выронил самородок, оглянулся – тёмные горы на фоне крупных звёзд спокойны, не шелохнулись, и ничего по ним не скатывается. Камнепад? Нет, не похоже. Стук копыт, приближаясь, становился тише, и вот наконец вполне нормальные звуки. Он направил фонарь на дорогу: там, на невысокой алтайской лошадке, держа под уздцы вторую, осёдланную, ехала женщина в расшитом золотом халате и шароварах. Волосы рыжие, почти огненные в луче света, струились по плечам, а лицо, ярко-белое, усыпанное веснушками, будто светилось изнутри. Потом, много раз вспоминая эту встречу, Аркадий недоумевал: как это получилось

– рассмотреть каждую складочку век, каждую чётточку, запомнить подрагивание ресниц и шевеление губ? Запомнил также каждую деталь вышивки золотой нитью по сверкающей ткани на её наряде – простом, обычном халате с широкими рукавами, перетянутом поясом. Будто в режиме замедленной съёмки смотрел и запоминал...

А она поскакала до машины, остановила коня, натянув поводья. Лошадка послушно встала. Всадница, сверкнув неожиданно синими глазами, сердито нахмурила брови, но тут же лицо её снова разгладилось, стало безмятежным – почти таким же, как у старого бомжа, когда тот взял в руки хлеб... Женщина посмотрела сначала на Аркадия, потом перевела взгляд на самородок возле его ног.

– Обманул, – сказала она как-то даже равнодушно. – Ключ-камень другому отдал. – И крикнула так, что задрожали верхушки сосен: – Мой ты, Тимофей, мой! И не поможет тебе хитрость твоя! Чох! Чох, чох!.. – Лошадь послушно тронулась с места, подгоняемая всадницей ударами ног, обутых в мягкие кожаные сапожки.

Стук копыт затих в темноте – будто оборвался, резко, вмиг, а всадница пропала – была и нет её, словно кто стёр сверкающий силуэт. И тут же, будто по команде, в рассветных лучах заблестели вершины белков – горных ледников. Аркадий смотрел на пустую дорогу, не понимая, куда пропало время, как так мгновенно промелькнула ночь? По его ощущениям, женщина в золотом наряде находилась рядом

не больше нескольких минут. Куда пропало остальное время? Часов восемь как корова языком слизнула – будто и не было вовсе ночи! Опустил взгляд в траву, почему-то не удивляясь тому, что отпечатков копыт в жухлой траве нет. Но... самородок, большой, в пол-ладони, так и лежал у его ног. И неизвестно, сколько бы он ещё простоял, замороженный, сбитый с толку, но из-под машины раздался шёпот:

– Ушёл... Слава те, хосподи... ушёл!

Глава первая

Всё началось в «Хаус-клубе». Не самый хороший вариант, но мы с Петром были рядом, решили заглянуть, поговорить. Один бы не пошёл, но этот вечно голодный заучка заташил. Да и я, будучи под впечатлением от вчерашних Аллочкиных заявлений, как-то не подумал, что не зря по возможности избегал посещать это место...

Хотя нет, всё началось раньше, за день до этого. С Аллочки. У меня в последнее время вообще всё с неё начинается – и хорошее, и плохое... Ведь ничего не предвещало ссоры!

– Откуда этот шрам? – спросила она, проведя пальцем по груди и слегка надавив.

Я поймал её руку, поцеловал ладошку, потом притянул Аллочку к себе и, уткнувшись лицом в ложбинку на шее, промычал: «М-mmm... какой запах»...

– Не уходи от ответа! Яша, мы с тобой живём вместе уже полгода, но я знаю о тебе ровно столько, сколько знала, когда впервые увидела.

Да, подумал, уже полгода вместе. Самое лучшее время в моей жизни – это могу заявить без ложной скромности! С Аллой жить легко, весело, и она не устраивала мне сцен – ни по пустякам, ни из-за серьёзных проблем, а полушутливое ворчание по поводу разбитой посуды не в счёт. Не знаю, может, из-за того, что денег было достаточно, и материаль-

ная сторона жизни не отнимала лишних сил, нам было вполне комфортно вместе. На Аллочку мне всегда было приятно смотреть – хрупкая, маленькая, метр пятьдесят ростом, всегда с иголки одета. Порой казалось, что одежда на ней не мнётся просто потому, что Алла ей это запретила. Вообще, порядок вокруг неё устанавливался сам собой – она, казалось, не прикладывала к этому никаких усилий. Что ещё?

Ещё я сменил место жительства. Квартиру продать пока не получилось, но дом приобрёл отличный – мне нравился. Аллочка сначала надулась, что такая серьёзная перемена случилась без её участия, но я даже не стал оправдываться, сославшись на романтику – мол, хотел сделать сюрприз. Она, сменив гнев на милость, тут же развезла ремонт, но с её организаторскими способностями он не превратился в бесконечную, выматывающую опупею. Первый этаж был уже почти готов, и мы, решив не ждать, пока доделаем второй, переехали – из-за собаки. Собака как собака, но я предпочёл бы обойтись без животных. Не то чтобы категорически не переносил их, а, скорее, был равнодушен: есть – хорошо, нет – ещё лучше. Но Аллочка откуда-то притащила здоровенную дворнягу и заявила, что это третий член семьи.

Вообще-то, работая вместе с ней, я оказался совсем не готов к той сентиментальности, которую невозможно было даже предположить, глядя на её собранность в офисе. Признаюсь, порой раздражали слёзы по каждому пустяку и во время просмотров душещипательных фильмов, и масса мелких

сувенирчиков, подушечек, табуреточек и пуфиков по всему дому тоже порой бесили – я постоянно то ронял что-то, то спотыкался, то наступал на какую-нибудь безделушку. Не знаю, может, она так компенсировала строгость и педантичность на работе, всё-таки в офисе мы проводили большую часть жизни. Но, если не считать пристрастия к подобным мелочам и непонятную слезливость, в остальном Аллочка была отличной подругой. Жить с ней было, в общем-то, легко и приятно. Переживания, с какими объяснялся ей в любви, уже потускнели, но в постели я каждый раз ощущал себя так, будто впервые вижу её, впервые обнимаю, целую, – Аллочка всегда была такой разной, такой неожиданной... Пока не начинала задавать вопросы!

– Так ты и спрашивай, я перед тобой прозрачен, радость моя! – попытался отшутиться, но она не собиралась сдаваться:

– Спрашиваю: мне очень любопытно, откуда на твоей груди этот шрам?

– Старая рана. Ещё в детстве располосовал. Упал с дерева, зацепился.

– И дерево выстрелило в тебя из пистолета? Неудачно. Давай сделаем ещё попытку: где ты получил огнестрельное ранение? – Нахмурившись, она отбросила в сторону одеяло и встала. – Яков, мы с тобой уже полгода вместе, а я ничего о тебе не знаю, кроме того, что написано в твоём досье в концене. И мне это очень не нравится!

– А мне не нравится, что мы с тобой сейчас опоздаем на работу! А ну, шевелимся быстрее!

Спрыгнув с дивана – мы пока спали в просторном холле, спальня планировалась на втором этаже – понёсся в ванную, по пути поставив чайник. Наскоро позавтракав, вышли из дома. Аллочка задержалась во дворе – насыпала корма чудовищу, которого ласково называла «милым Бимочкой», я окрестил пса Пиратом, но все мои доводы, что из щенка вырастет здоровенный вислоухий крокодил, не пробивались в её сознание. Это надо ж – «Бимочка»! Ну, пожалела брошенную животину – сдали бы в приют, там бы куда-то пристроили, так нет же, привезла в дом. Предложил ей купить породистого щенка, она потом со мной два часа не разговаривала.

– Так откуда шрам? – спросила она, пристёгивая ремень безопасности, когда я уже забыл об утреннем разговоре.

Я вдавил педаль газа и едва не сбил человека – прямо на выезде из ворот своего дома! В такую рань пешеходов на Невской улице обычно немного, особенно со стороны коттеджей. И надо было старику на рассвете вылезти именно под мою машину! Мужика занесло на капот прежде, чем я успел затормозить. Какую-то секунду он прижимался к лобовому стеклу, а я, кажется, на всю жизнь запомнил его лицо – морщинистое, покрытое сетью склеротически расширенных красных сосудов. Глаз не разглядел – вязаная шапочка была натянута на самые брови, и потом – миг – и мужик слетел с капота. Но в подсознании что-то щёлкнуло, зазвенело, будто

гвоздём по стеклу царапнуло – я уже видел его когда-то и, возможно, даже был знаком с этим человеком. Однако выяснить, так ли это, не получилось. Задёргал ремень безопасности, замок заклинило, но когда выскочил из машины, то пострадавший, подобрав что-то с земли, побежал прочь с такой прытью, будто это он сбил меня. Я пару раз крикнул вслед: «Мужик! погоди!», но тот только прибавил ходу. Минута – и серая куртка мелькнула за поворотом на Малахово. Пожал плечами, не догонять же, но разозлился. Вернулся назад в машину и дальше управлял автомобилем уже аккуратнее. На душе неприятно скребло, и я не нашёл ничего лучшего, как скинуть раздражение на Аллочку.

– Алла, больше под руку чтобы никаких вопросов. Поняла? И вообще, что ты привязалась? Ну, шрам и шрам, ну мало ли откуда у мужика могут быть шрамы? Вот бы я о каждом ещё помнил! – Она нахмурилась. Я остановил машину у светофора, повернулся к ней лицом и серьёзно сказал: – Я действительно не помню!

Опять соврал, но ворошить то, что давно улеглось, не хотел. Даже ради неё... Гордиться было нечем. Вообще чудом не сел – Бог отвёл от тюрьмы. А тогда, в двадцать с небольшим, гонял по этим же улицам на новенькой «бэхе» и считал себя хозяином жизни. Нравилась машина, нравились деньги, нравилось ощущение власти, помноженной на иллюзию героизма, – я не просто бандит, а настоящий Робин Гуд, восстанавливающий справедливость. Молодой, зе-

лѐный, глупый, но тогда я себе казался верхом творения, эдакой помесью бэтмена, супермена и Майкла Карлеоне...

Аллочка надулась и молчала всю дорогу. Я тоже молчал. Ехали по Комсомольскому проспекту, там, где новая застройка сменяется частными домами. То же место – время другое, и в салоне рядом сидела не Аллочка, а Иван, друг и напарник. Иван был простым парнем, за плечами ПТУ и армия. Служил в Чечне и, вернувшись, попал тёпленьким к Сергеичу. Тот поставил нас в спарринг, и мы как-то незаметно почувствовали взаимное уважение. А потом стали вместе отрабатывать темы, которые подкидывал нам тренер...

– Три аккорда полюс надрывный сентиментализм! Яков, шансон, конечно, дело вкуса – чаще дурного, но... выключи, пожалуйста. Надоело уже, – нарушила молчание Аллочка, а я, услышав это, вздрогнул: она почти повторила Ванькину фразу...

* * *

– Слышь, Яшка, выключи уже эту тягомотину! В натуре, задолбал уже! – Иван прокашлялся и блеющим голосом передразнил: – «В Караганде родился, в Самарканде помылся, в Ашхабаде обосрался...» Терпеть не могу эту песню, и фильм тоже не люблю!

– А мне нравится «бумер», – возразил ему я, – всё чисто

по жизни.

– Конец беспонтовый, – скривился Иван.

– Вот я и говорю, жизненный. Это только в сказках, Ваня, всё хорошо кончается. Ладно, не будь занудой, – усмехнулся я, но просьбу выполнил, помня, как не по себе было другу после первого просмотра фильма. – Суеверный ты стал, братишка, тюрьмы боишься?

– Братан, мне после Чечни твоя тюрьма до одного места, – Иван хохотнул и сменил тему разговора: – Блин, Яшк, мы в натуре с тобой как менты работаем!

– В смысле? – Выехав с Воровского на старый мост, я прибавил скорость, мечтая скорее завершить дела и добраться до дома – в этот день намахался на тренировке и подустал.

– Ну, это, типа добрый следователь и злой! Я в кино видал.

– Ну, вообще-то, это не только ментовской приём, просто мы на всю катушку используем методы психологического давления, – наивная непосредственность друга позабавила. Я улыбнулся. – А ты окно-то зачем разбил?

– Да это, дебил, в натуре! – ответил Макар, носовым платком стирая кровь с запястья. – Чё опять за фуфло поставил?

– «БИ-2», – ответил я, прибавляя громкость.

– Заколебал своим роком. Ты бы ещё, как они, волосы отрастил да серьгу в ухо вставил. Рокер хренов, – проворчал он, меняя кассету, салон наполнил хриплый голос Ноговицына.

Я сморщился и тоже подколол любителя шансона:

– Ну, тогда, Ванька, и тебе надо бы прикид сменить. А что, надень фуфаечку да мурочку наколи на всю груди́ну. – И, представив друга в таком виде, расхохотался. Тот обиженно засопел, отвернулся. – Ладно, иду на компромисс, послуша-ем радио.

– О, Яшка, глянь, – воскликнул Иван, ткнув пальцем в стекло, – уже третья авария! Я тут пока едем, венки на обо-чинах считал. Прикинь, шесть штук. А если в машине по че-тыре человека ехало, то двадцать с лишним трупов? Вот чё тут получается, это столько народу ласты склеило в авариях?

– Охренел, братишка. Нельзя в дороге на такие вещи даже внимание обращать.

– Яш, да ты не грузись, эт я так, к слову!

– Ты базар-то фильтруй! – Вскипел я неспроста – неза-долго перед этим у меня умерла мать, так и не оправившись после аварии, но, заметив удивление на лице друга, я сказал:

– Примета плохая, Иван. Особенно в дороге.

– О... смотрю, ты у нас в приметы уже верить стал. А кар-тишки раскидывать не пробовал? А, Яшк? – Ванька прыс-нул, а я в ответ беззлобно выругался:

– Да пошёл ты! Короче, я тебя одного не оставлю, что-то на душе неспокойно. Мало ли кого Федот притащит, мы сей-час к мяснику пораньше заглянем, а на стрелу позже подтя-немся. Сами управимся, санинские пацаны адекватные, с ни-ми всегда добазариться можно. А вот с мясником могут быть проблемы, да и разговор надо правильно поставить, этот ган-

дон кое-что просечь и прочувствовать должен. Давай садись за руль, у меня уже в глазах всё сливается, и гоним в Алтай-ку. — Мы поменялись местами.

Скоро «бэха» летела по спящим улицам Новоалтайска, до которого от Барнаула минут двадцать езды.

— Яшка, ты помнишь, куда ехать?

— Ага. Не вижу табличку. Какая улица?

— Промышленная, — ответил он, включив дальний свет.

— Промышленная, говоришь? Дуй прямо, потом повернёшь направо, на Тюленина, оттуда в третий переулок налево. Там остановишься у дома. Большой такой, окна на дорогу выходят. Перед воротами асфальтированная площадка. Короче, домик заметный, даже в темноте мимо не проскочишь.

— Замётано. Слышь, а откуда ты так хорошо дорогу знаешь?

— Да с Шалым как-то ездили, и, прикинь, к этому же козлу. Тогда тоже по долгам накосячил. Он, падла, как пионер — всегда готов кинуть ближнего.

— Гы-гы... и дальнего тоже, типа! Слышь, Яш, а терпилу как бить — сильно или не очень?

— Сильно. Только не по морде. Надо, чтобы фейс у него чистенький был. Тормози! Вот тридцать четвёртый дом. Смотри-ка, не спит, свет горит.

Мы вышли из машины. Я постучал в окно, а Иван с хрустом размял пальцы.

Отодвинулась занавеска, в стеблях помидорной рассады

появилась мятая физиономия хозяина дома.

– Какого хрена по ночам шаритесь? – рявкнул рассерженный мясник, открывая форточку.

– Ты выйди, Семён, – спокойно ответил ему Иван, – дело есть, поговорить надо.

– Приходите утром, – наглости в голосе должника поубавилось. Он попытался закрыть форточку, но Иван ударил кулаком – посыпалось стекло, мужик отшатнулся, уронив несколько ящиков с хилыми ростками.

– Сука, ты чё базаришь?! Я шас, в натуре, тебе весь дом разворочу!

– погоди, Иван! Шипицын, разговор есть, давай по-хорошему, а то он действительно доми́к-то разворотит.

– А что случилось? – испуганно проблеял должник.

– Собаку успокой, чё надрывается? – сказал ему Иван и добавил: – Слышал я, что ты денег Гене Фисенко задолжал.

– А, это?! – Шипицын облегчённо вздохнул, было понятно, что у бедолаги будто гора с плеч упала. – Сейчас выйду. – Занавеска опустилась, и тут же загремели засовы на двери. – А ну цыц! – прикрикнул он, выходя из дома.

Собака умолкла, створка железных ворот, еле слышно скрипнув, отъехала в сторону.

– Ребят, так мы с ним вот разговаривали, он сказал, что подождёт, – нагловато начал Семён, смело шагнув на улицу, но не убирая руку с воротного засова. – А вы-то чего в чужое дело лезете? Сами договоримся.

– Он, может, и подождёт, а вот мы не будем, – ответил я, показывая ему расписку.

– Да чё с ним сюсюкаться? – Иван схватил должника за грудки и выдернул из-за ворот.

– Осади, осади, братишка, – приказал я. Семён не на шутку испугался. Гена Фисенко, когда приезжал за долгом, сам больше походил на просителя и чуть ли не кланялся своим же деньгам. Семён понимал, что обнаглел, но отдавать долг не хотелось, тем более что кредитор сильно и не настаивал. Со мной он уже имел дело – тогда я приезжал без Ивана, с невысоким коренастым парнем по кличке Шалый. Разговаривали мирно, не угрожали. Мясник меня запомнил, как-то пару раз пересекались с ним на рынке, здоровался первым. Сейчас он хоть и косился на Ивана, на разбитое стекло, но не показывал вида, что боится. Видно, понадеялся, что опять закончится разговорами. – Так что, Сёма, будем с долгом делать?

– Не, ребята, я клянусь, отдам. Да он согласился на рассрочку, так что у меня есчо есть время. Рассчитаюсь, но не в этом году. Не, пацаны, ну это не ваши же проблемы, ну согласитесь? – попытался перехватить инициативу мясник. – Это же наши с Геной проблемы, и мы их когда-нибудь решим.

– А вот здесь ты ошибаешься. Теперь это наши проблемы, Сэмэн. – Я прищурился, положил руку на плечо должника и заглянул ему в лицо. – Что такое переуступка долга знаешь?

– Знаю, – Семён, успокоенный уважительной речью, не

заметил пренебрежения и расслабился.

– Ты чё, сука, не врубаешься, чё те говорят?! – Иван, делая вид, что собирается пнуть камешек, «промазал» и попал ботинком должнику в живот.

Шипицын согнулся, хватая ртом воздух. Иван тут же ударил его ребром ладони по шее – не сильно, чтобы не убить, но и этого оказалось достаточно: мужчина рухнул на асфальт, хватая ртом воздух, словно вытащенная на берег рыба.

– Попинать, что ли?

– Давай, Иван, для профилактики, чтоб впредь деньги не зажиливал, – ответил я, в то же время придерживая друга, чтобы тот и вправду не добил мужика.

Мясник закричал. За забором исходила лаем собака, окна соседних домов быстро гасли – люди тушили свет.

– Осади, Иван, он нам живой нужен!

– Убью падлу! – Напарник распалился и уже занёс ногу над головой Семёна.

– Осади, сказал! – Я схватил друга за руку и дёрнул, оттащивая от свернувшегося в калачик должника. – Поднимайся, козёл.

– Ребята, – прохрипел Шипицын, вставая на колени. Он попытался подняться, но снова упал.

– Поставь-ка его на ноги.

– Вставай, падла, – Ванька схватил жертву за воротник и резко дёрнул вверх. Тот пошатнулся, но устоял, вцепившись

рукой в подоконник.

– Мужики, отдам, – проскулил Шипицын, плача. – Сейчас деньги вынесу.

– Не надо сейчас, Сёмушка. Завтра отвезёшь Генке, скажешь спасибо и в ножки поклонись. И нас ты, Шипицын, в глаза не видел, понял?

– Ты понял, сука? – прорычал Иван, кидаясь к должнику. Тот сжался, ожидая удара, но я снова остановил друга.

– Не гони, Иван, он завтра всё сделает. Так ведь, Шипицын?

– У-уу... – кивая, промычал тот и заплакал.

– Смотри, Семён, ничего не перепутай, – вкрадчиво продолжил я. Семён с отвисшей челюстью, бледный, смотрел мне за спину. Сзади, матерясь, метался Иван – зрелище, конечно, не для слабонервных. – У тебя дом, семья, дочка-красавица. В политехе, слышал, учиться? Нехорошо будет, если компанией попользуем...

– Ага! Я эту тёлку видел – давно просится! – Друг хохотнул, сжал кулаки и качнулся вперёд, делая соответствующий жест.

– Завтра привезу, ради бога, пацаны, дочку не трогайте... – прорыдал Семён.

– Привези. И если скажешь Фисенко, что мы попросили, то я тебя из-под земли достану. И Ивана останавливать больше не буду. Ясно? – Шипицын кивнул, промычав что-то нечленораздельное. – Скажешь Гене, что совесть у тебя

проснулась. Самостоятельно решил долг отдать.

– Усёк, падла? – крикнул Иван, замахиваясь. – Усёк, не слышу?!

– Усёк, – проскулил Семён, падая на колени.

Кивнул другу – тот подошёл, наступил каблуком тяжёлого ботинка мяснику на пальцы. Шипицын взвыл, а мы, развернувшись, пошли к машине.

– Слышь, братан, я чёт не въезжаю. Зачем ты сказал, чтоб не говорил Генке, что мы долг выбивали? – спросил Иван, когда уже выехали за город.

– Так надо. Аркадий попросил. Ты опять разбил стекло? – заметил я равнодушно.

– Угу, – буркнул друг.

– Зачем?

– Да debil, в натуре!

* * *

– Ты опять разбил вазу для цветов?..

– А... Что?.. – Я не сразу понял, что вопрос задала Аллочка. Воспоминание той давней поездки к Шипицыну промелькнуло мгновенно – ещё не включился зелёный сигнал светофора, мигал жёлтый, но так ярко, что на миг показалось, будто время сдвинулось, сделав скачок назад, и я прожил эту поездку полностью – все два часа, минута в минуту. – Ах да, ваза... Аллочка, я вот не понимаю твоей мелоч-

ности. Ну разбилась эта, так купим другую.

– Это не мелочность. – Аллочка посмотрела на меня серьёзным взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Я внутренне подобрался: вот настёрная, опять возвращается к неприятной теме! – Это привычка. Я каждый раз вздрагиваю и сжимаюсь от страха, когда что-нибудь разбивается или ломается. И я не могу это контролировать. Это из детства. Если хочешь, я расскажу...

– Стоп! Стоп, Алла... Если хочешь что-то рассказать, если тебя мучают детские состояния – сходи к психологу. И давай на берегу определимся: я не спрашиваю тебя о твоём прошлом, а ты не задаёшь подобных вопросов мне. Договорились? Наша жизнь друг для друга началась с того момента, когда мы впервые встретились в офисе. И всё. Всё остальное неважно...

– Неужели я тебе так безразлична?.. – прошептала Аллочка.

– Опять двадцать пять! Да сколько можно, Алюсь?! Я тебя люблю и не представляю своей жизни без тебя! И говорил тебе это раз сто. Так?

– Так, – она кивнула, достала из сумочки салфетку, аккуратно промокнула готовые пролиться слёзы. – Говорил. Но это слова. А поступки говорят о другом. Дом купил, даже не посоветовавшись. И о себе ничего не рассказываешь.

Да что ты с ней будешь делать?! Ну не мог же я рассказать ей о той поездке в Новоалтайск, например?..

И теперь, поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, в ресторан, невольно вспомнил вчерашний утренний разговор: пулю я схлопотал здесь, на крыльце «Хаус-клуба». В тот же день я последний раз видел Ивана...

Навстречу выпорхнула администраторша. Она долго и безуспешно пыталась привлечь внимание Ботаника. Безуспешно потому, что Петру не нравилось её имя. «Так бы всё ничего, но вот Тося...» – говорил он, хотя я подозреваю, что это отговорка. Ботаник вообще на женщин время не тратил, хотя иногда у него случались непродолжительные романы. Женщины по нему сохли, но не долго – как правило, все они хотели крепкой семьи, заботливого, небедного мужа, готового свернуть шею за процветание этой самой семьи, а Петро сворачивал шею только за благо науки, прогресса и прочей ерунды, которую дамы бальзаковского и предбальзаковского возраста ни в грош не ставили...

– Ну что, радость моя, есть для нас место? – Он шутливо приобнял администраторшу.

– Для вас всегда есть, – расцветая, ответила женщина. – Я обычно один столик держу до последней возможности. А сегодня не так уж и много народа – ещё пять или шесть столов свободны.

Мы расположилась в мягкой зоне, заняв одно из самых престижных мест. Ботаник щёлкнул пальцами, тут же вокруг запорхали официантки. Петра несло, видимо, опять деньги жгли карман. Давно приметил, что он чувствовал себя

несчастливым, когда был сытым и богатым: что-то у него в голове щёлкало, что-то переключалось, что-то случалось с мозгами – с деньгами в кармане Пётр переставал генерировать идеи. Поэтому тратил их без контроля, без смысла, просто раздавал, лишь бы избавиться – кстати, в местном приюте для бездомных животных его просто боготворили! Сегодня мы получили аванс, очень приличный – Пал Палыч выдал после того, как «осчастливил» ценными указаниями. Вообще, время без Пал Палыча, которое я провёл исполняющим обязанности директора филиала, вспоминаю с тихим ужасом. Одно дело – вольный стрелок: берёшь задание, выполняешь, по результату получаешь вознаграждение – это куда как с добром!.. Естественно, отчитываешься, куда от этого деться?.. И совсем другое дело – административная работа: каждодневная ответственность, и не за себя, не за один маленький отдел, а за весь коллектив. А если вспомнить, что постоянно приходилось поддерживать отношения с органами власти и, кроме того, заботиться, чтобы отношения эти были хорошими – так вообще жить не хотелось! И Пал Палыч, вернувшийся из Москвы – не сработался он там с местными бюрократами – привёл меня в такой восторг, что я даже обнял старика, чем смутил его очень сильно. Вообще-то, Пал Палыч не такой уж и старик – около шестидесяти, но для меня возраст солидный. В общем, сдал дела, отчитался – кстати, с большим удовольствием – и снова, с лёгким сердцем, на вольные хлеба, в свободный полёт. Правда, отмечу,

что серьёзных тем не было довольно долго, так, мелочовка. Я даже захандрил. И вот наконец дождался – нам с Петром не просто пообещали серьёзную тему, но и выделили в автономный отдел. Петро даже присвистнул и что-то схохмил по поводу удельного веса, сравнительного анализа и собственной значимости. Шутки Ботаника приводить здесь не буду, от них зубы сводит, и чтобы понять, над чем смеяться, надо сначала пройти курс высшей математики – это как минимум!

Сегодня, отсчитав деньги, Пал Палыч поправил свой фирменный зелёный галстук, со значением в голосе произнёс:

– Ну, Яков, только без обид. Администратор из тебя, честно говоря, плохой. Это если мягко сказать. Дисциплинку в коллективе развалил, показатели работы филиала не сказать что упали, но нет ни рывков, ни продвижения вперёд.

Тут я хохотнул:

– Учитывая, что все рывки – моя задача, возникает законный вопрос: кто бы рвал жилы, если я тут в вашем кресле сидел и бумажки перебирал?!

– А вот я, между прочим, не только бумажки перекладывать умею, а ещё и руководить, мобилизовать людей, организовать работу. Но сейчас не об этом. Вы с Петром переходите в непосредственное подчинение Самого... – последнее слово он сказал, подобравшись и подняв руку с вытянутым указательным пальцем к портрету Сорокина. – Моей задачей является только техническое обеспечение вашей деятельности. Вот, собственно, всё, что хотел тебе сказать. Поэтому, озна-

комившись с бюджетом вашего подразделения, признаюсь, удивлён... и восхищён!.. Бюджет щедрый. Поэтому попрошу лично тебя, Яков, по возможности оказывать поддержку родному филиалу. И как старший товарищ могу дать совет: за расходом бюджета следи внимательно, и аппетиты своего зама по науке по возможности контролируй.

Я заверил шефа – уже бывшего – что приму его слова к сведению и вообще отнесусь к ним с должной серьёзностью и вниманием, и всей своей широкой душой благодарен за совет – Петра Аркадьевича возьму в ежовые рукавицы, обую в испанские сапоги, и вообще – буду таким иезуитом, что транжира-напарник света не взвидит! Пал Палыч посмотрел на меня, брюзгливо поджав губы. А я, пошутив, тут же с удивлением обнаружил, что не соврал – действительно, совет дельный, и Петро меры своему аппетиту не знает, причём как в прямом, так и в переносном смысле. Аппетит прорезался сразу, как только этот комсомолец семидесятых после меня вышел от шефа, потрясая новой корпоративной кредиткой. Заплатили хорошо, хотя дело, которым предстояло заняться, мне не просто не нравилось – мысль о руднике бросала то в жар, то в холод...

– Так, сначала для аппетита салатик, потом горячее... Яш, ты против солянки ничего не имеешь? Яшк! Ты слышишь?..

– А? Да-да, – кивнул я, особо не прислушиваясь. – Выбери сам, Петьк, у тебя с едой лучше отношения, чем у меня, – любовь и полная взаимность.

Я поймал себя на том, что устроился в самом тёмном углу, спиной к стене. С места, которое я занял, был виден почти весь зал и просматривался вход. Даже не обратил внимания, что сцена осталась немного в стороне – в принципе, меня это и не волновало.

Пётр же сел так, чтобы хорошо видеть выступление артистов. Сейчас на помосте в правом углу зала под ритмичную музыку кувыркалились акробаты.

– Смотри, смотри, – восхищённо воскликнул Петро, дёргая меня за рукав, – что парни вытворяют! Просто невероятная гибкость, у них костей, что ли, нет? Яш, не разберу, что у этого, маленького, на футболке написано?

– Тоже не разберу, вертится, – ответил я, проглотив ком в горле.

Минуту смотрел, как гибкий парнишка в расшитом блёстками трико взлетает вверх, крутится под потолком и опускается точно на ладони второго акробата. Душу скрутило в узел. С трудом выдохнув, отвернулся, но комсомолец семидесятых, совершенно ничего не понимающий в чужих эмоциях, не унимался. Он даже не видел, что я едва сдерживаюсь, чтобы не заорать на него...

Надо же было забыть, что именно здесь, много лет назад, началась та история... Вот на этом самом месте тогда сидели – Аркаша, Генка и я с другом. С Иваном. Эх, Ванька, Ванька... Тогда он был жив, вот так же сидел рядом со мной и, перебивая гладенькую речь Аркаши, ржал в голос и так же

восхищался выступлением доморощенных артистов, мягко говоря, средненьким – и тогда, и сейчас...

* * *

С Аркашей нас познакомил директор спорткомплекса, даже, пожалуй, приставил к нему в телохранители. И тема рудника впервые всплыла здесь, в клубе, хотя к тому времени мы с Аркадием уже «отработали» несколько дел.

Аркашу – он же Профессор – Сергей Сергеевич, наш, если так можно выразиться, «руководитель», характеризовал как интеллигентного афериста, но предостерёг: «Человек он опасный, с ним даже серьёзные люди не связываются. Умён, сука, погоняло зря не лепят – мыслит, действительно, как профессор... этой... математики типа, которая в институте... Так что вы это, за базаром следите и чтоб мне аккуратно! Вы мне живые нужны, а этот пришьёт – не задумается»... Портретик что надо, не скрою, я пригрузился, но, когда увидел Профессора, немного удивился – что в нём опасного? Такого плевком перешибить можно: самый обыкновенный человек, невысокий, сухонький, неопределённого возраста. Глядя на него, люди чувствовали расположение, но потом с трудом вспоминали его лицо. Мошенник был обычным, самым обычным, даже каким-то обыденным, что ли? Серый пиджак, серые глаза, по-доброму смотревшие из-под очков, которые тот носил не из-за плохого зрения, а, скорее, как

ширму. Волосы русые, пепельного оттенка. Всегда выбрит, даже холён, но одежда простая – недорогая, хоть и не дешёвая. Говорил спокойно, безэмоционально. Голос ровный, ни всплесков, ни спадов, но речь очень быстрая. И жесты – плавные, ритмичные, но быстрые: я порой сравнивал его руки со змеями, если пофантазировать, то, глядя, как Аркадий то раскрывает ладони, то быстро разводит их в стороны, вполне можно было представить качающуюся кобру с развёрнутым капюшоном. Часто обращал внимание, что тот же Ванька, слушая Аркашу, порой самым натуральным образом засыпал. Сергеич рассказал, что сидел Аркаша много – раза четыре закрывали за последние шесть лет, но не подолгу – всегда находились люди, имевшие возможность «помочь», заинтересованные в его свободе, а главное – в его «профессиональных» способностях. Аркаша не бедствовал, но и богатым не был. Так же наш спортивный «наставник» дополнительно акцентировал моё внимание на слабостях Аркадия: «Бухло и бабы», – сказал он, посоветовав на всякий случай держать под рукой и то, и другое. «А будет мешать делу – вяжи его... и закрывай. Знаешь, какие номера у нас в подвале под это дело оборудованы? Только делай быстро, чтобы не ушёл. Если уйдёт, то вам потом не жить»...

В тот вечер в машине нас было четверо. Всю дорогу не прекращался пустой трёп. Сергеич добродушно посмеивался над интеллигентным аферистом, тот отшучивался, а мы с Ванькой, молча, сидели сзади, ещё не совсем понимая сво-

ей роли в предстоящем деле.

О деле Аркадий заговорил, только когда остановились на забитой машинами стоянке перед этим вот ночным клубом. Он вышел, достал сигареты. Сергей Сергеевич обошёл джип и встал рядом. Ванька открыл дверцу со своей стороны и, развернувшись вполоборота, с вождением смотрел на распахнутые двери ночного заведения – я просто кожей ощутил, как ему хочется оказаться внутри.

– В общем, мне надо товарища прикормить, – сказал Профессор, разминая в нервных пальцах тонкую сигаретку. – Комерса одного пасу. Деньги крупные намечаются.

– А с нас-то какой понт? – поинтересовался я, отметив настороженность директора спорткомплекса – он был в тот день молчалив, куда-то пропали его обычная разговорчивость и привычка к месту и не к месту отпускать грубоватые шутки. – Увидит твой комерс бандитские рожи и слиняет сразу.

– Мне нужно чтобы вы посмотрели на него, чтобы знали в лицо. Там понадобится изъять кое-что, но это потом. А сегодня, как бы случайно, встретимся, я точно знаю, что они сегодня в «Хаусе» будут. Мужик кручёный, боюсь, слезет с темы – и плакали тогда мои денежки. А по деньгам я потом с вами разберусь.

– Да без базара! – усмехнулся я.

Сергей Сергеевич, инструктируя перед встречей, предполагал что-то подобное. Также он ожидал, что Аркадий,

несмотря на то что ему очень была нужна наша помощь, не будет сразу выкладывать карты на стол.

– Ты не показывай ему, что умный. Вон, как Ванька, включай дурака. А то лис хитрый, чуть подвох почует – съедет с темы. Я тебя почему к Аркаше приставил? Внешность у тебя подходит – цыган и есть цыган! – Он посмотрел на меня оценивающе, я тоже глянул в зеркало. Как сейчас помню, был тогда мелким, худым, вёртким. Коротко ещё не стригся, и шапка крутых чёрных кудрей действительно делала меня похожим на цыгана. Не мешали даже пронзительно-синие глаза. Нос, наверное, тоже цыганский – узкий в переносице, с раздутыми ноздрями, слегка крючковатый. Не красавец, но и уродом себя не чувствовал. Вообще, внешность свою не считал чем-то выдающимся, однако не комплексовал. Скорее, хрупкое сложение и небольшой рост были причиной подростковых переживаний – поэтому и занялся спортом. – Ты с ним води себя, как обычно. – Сергеич встал, прошёл к сейфу, достал бутылку водки. Он пил всегда – я даже не помню, видел ли его трезвым. Пьяным видел. Напившись, директор спорткомплекса начинал рассказывать обо всех, кого «запрессовали» в подвале. При этом плакал. Но, протрезвев, обычно ничего не помнил. И дальше жил подшофе – до следующего срыва. – Ты, это, Яшк, сильно под кожу влезть не пытайся, расколешься. Да и не по зубам он тебе – профессионал! – предупреждал меня наставник ещё перед первым делом с Профессором. – Сначала вы с ним так, для раскач-

ки, по мелочовке помотаетесь, но там крупный куш зреет: упустить – значит затупить по полной программе...

Роль давалась легко, да и с Ванькой рядом невозможно было вести себя по-другому – поймал себя на мысли, что скоро смеяться так же буду – «гы-гы-гы»! Закурил и, подражая тому, как говорит друг, с той же интонацией, добавил:

– Я чёт-та не въезжаю, Профессор, ты конкретней говори, чё за типы?..

– Кращенкова знаете? – спросил Аркаша, закуривая длинную дамскую сигаретку – уже третью за несколько минут разговора.

– Да чё ты нам фамилию базаришь, – хохотнул Ванька, рыжий, воловатый, здоровый – хоть Иванушку-дурочка пиши с натуры, – ты бы ещё отпечатки пальцев приволок – типа, знаете этого чела?

– Да Толю Кращенкова! – Аркадий вдруг разозлился, забыв на минуту, что именно наша «примитивность» делала нас идеальными помощниками в этом деле. – Видели вы его, он на «Адмирале» постоянно трётся да и в других ресторанах зависает частенько. Худой такой, лицо вечно унылое, будто лимон во рту держит. Помните, я полгода назад его круто на бабки развёл, когда по муке работал, ну помните?

– Да где нам упомнить, – сказал я, поняв предостерегающий взгляд Сергеича. С Кращенковым мы были знакомы, я даже как-то обменялся с ним телефонами, но знакомство не по делам – так, поверхностно, вскользь, в компании. Вань-

ка тоже не лыком был шит и, достав сотовый, принялся нажимать на кнопки, всем своим видом показывая отсутствие интереса...

Время тогда было такое – непонятное, бурное. Мне было двадцать три года, всего двадцать три... Сейчас, вспоминая, усмехался – зелёный совсем, а тогда казался себе эдаким матёрым волком, тёртым, покоцанным жизнью. Девяностые. Незабываемые девяностые... И как бы ни хотелось стереть их из памяти – не получалось! Ещё в конце девяносто первого года, когда Ельцин подписал указ о свободе торговли, когда открыли границы и был разрешён свободный въезд и выезд, в страну хлынул поток дешёвых не особо качественных товаров в ярких упаковках, турецкого ширпотреба, низкокачественной бытовой техники, и третьеразрядных голливудских боевиков. Тогда же появилось много любителей половить рыбку – в мутной-то водичке. Девяносто шестой страна встретила, с удовольствием посмотрев «Старые песни о главном». Этот фильм, словно лучик настоящего света, продрался сквозь пелену подделок и фальшивок. Помню, меня тогда порадовал ещё фильм «Особенности национальной охоты» – корова в самолёте и фраза: «Жить захочешь, не так раскорячишься». Мне и сейчас казалось, что эти слова давали точное определение тому времени – беспорядкам и безденежью, бесцельности и бессмысленности происходящего. Старикам перестали платить пенсии, врачи, учителя попали за черту бедности, но они всё равно почему-то учили и лечили. Ин-

фляция сбавила обороты, и ноли на купюрах остановились на цифре в пятьдесят тысяч, так и не дотянув до сотни. Тогда казалось, что жизнь всё же налаживается, и никто не знал, что впереди ещё и деноминация, и дефолт... Но – я в девяносто шестом закончил юрфак и мне всё казалось крутым, я сам себе казался крутым, и – жизнь удалась!

Тогда же было первое крупное дело – векселя – и тогда же всплыл этот рудник, в девяносто шестом его пытались перепродать в первый раз. Рудник «Весёлый»...

Ещё в девяносто третьем, окончив третий курс, через своего тренера по кикбоксингу – Валерия Степановича – я познакомился с «правильными» пацанами. Спортсмены, причём достигшие неплохих показателей. Они не бедствовали, в новых условиях «крышуя» бизнес, а к середине девяностых, поняв, что тема рэкета мелкого и среднего бизнеса исчерпала себя, решили заняться «инвестициями». «Менеджер спонсирует маркетинг», – с умным видом говорил тогда известный спортсмен, тренер, а по совместительству генеральный директор спортивного комплекса Сергей Сергеевич. В гостеприимном спорткомплексе уже обосновался банк, крупная телекоммуникационная компания, риелтёрские конторы и, кроме того, бассейн оказывал свои непосредственные услуги – днём и ночью. Ночью, естественно, комплекс услуг расширялся. Именно там, в бассейне, я первый раз увидел Аркадия. За следующие три года раз пять, наверное, пересекался с ним, но всё больше по мелочам. На серьёзную рабо-

ту директор комплекса поставил меня в девяносто шестом, уже перед защитой диплома. Собственно, защищал диплом и занимался рудником я практически параллельно. Хорошо помню момент, когда Сергеич позвал меня в свой кабинет и сказал:

– Слышь, студент, ты пацан, я вижу, башковитый, да и реакция у тебя тоже неплохая... Эх, если бы не эта грёбаная перестройка, по спорту бы попёр... такая реакция и боли не боишься, но... Но рынок, деньги надо зарабатывать. Пора тебе на крыло вставать, не зря мы в тебя деньги вкладывали, учили. Сейчас я тебя с двумя чертями познакомлю – один типа рудником владеет, золото моет в горах Алтая, но чёт-та дела там у него не фонтан. Деньги нужны, инвестиции... А второй вроде с баблом, но мутный тип, и скорее всего, своих-то денег у него нету. Ну – тут как бы присмотреть надо за ними, вникнуть. Тебе долго ещё науку грызть?

– Да заканчиваю в этом году, – ответил я с усмешкой: трёх лет «работы» под чутким руководством Сергея Сергеевича было достаточно, чтобы понять – с дипломом университета столько не заработаешь!

– Во! Диплом получаешь – и попёр вперёд! Я тебя замом и в ту, и в другую фирму устрою. Будешь руку на пульсе держать...

И в ту встречу, в который раз предупреждая об Аркашиной изворотливости, Сергей Сергеевич попросил меня особо внимательно отнестись ко всему, что будет касаться доку-

ментальной части «темы» — как он выразился. Также намекнул, что есть более серьёзные люди, которые — тоже цитирую — «положили глаз на тему и заглотят всех, не подавившись, и нас тоже, если хоть где-то прощёлкаем»...

Очень «вовремя» у Сергеича зазвонил сотовый:

— Так, пацаны, оставляю вас, дела... Там наши с чехами тёрки устроили, надо на стрелке быть — мало ли чего! Чеченцы — парни дикие. Ну, ты, Аркаш, ты молодцов моих голодными не оставишь?

— Да они бы меня без штанов не оставили — с их аппетитом! — отшутился Аркадий, улыбаясь открыто и радушно, но глаза его в этот момент оставались холодными и жёсткими...

* * *

— Яшка, ты не заболел?..

— А?.. — я с трудом вырвался из плена воспоминаний, не сразу сообразив, что с тех пор прошло много лет и я сейчас нахожусь в этом зале не с Аркашей и Ванькой, а с Петром — ботаником, чокнутым учёным и моим замом по науке. И обсуждаю ту же самую тему — рудник «Весёлый»... Вот только рядом со мной сейчас сидит эдакий комсомолец семидесятых, словно бы выпрыгнувший из прошлого века. Высокий, худой, плечистый, одет небрежно, лицо одухотворённое, простое, за толстыми линзами очков светятся верой в счастье, справедливость и торжество науки синие глаза.

Единственное, что было у них с Ванькой общего – некоторая простоватость, как говорится, не от мира сего люди, и вихрастая, всклокоченная шевелюра. А ещё оба любили поесть...

Я посмотрел на стол – Пётр продолжал «ни в чём себе не отказывать». Светлую, тёплого коричневого оттенка скатерть с мелким геометрическим узором, идущим по диагонали, почти не было видно из-под тарелок, графинов, столовых приборов. Пододвигая ближе глубокую миску с солянкой, я попытался вспомнить, что ел сегодня, и не смог. Утром кофе, весь день в офисе – кофе, перед концом рабочего дня – кофе... Живот подвело от голода. Надо поесть, а то со вчерашнего дня, после того самого разговора с Аллочкой, аппетита не было вообще. Сейчас организм бунтовал, требуя пищи. По привычке потянулся к тарелке с салатом, но не вовремя вспомнил заявление Аллы о том, что овощи на голодный желудок есть вредно, разъедают слизистую оболочку, и салат оставил на потом.

– А салат нормальный, стоит попробовать, огурчики, помидорчики – ничего экзотического, специально заказал, как ты любишь, – сказал Петро, тут же забирая мою тарелку себе.

Я улыбнулся, но ничего не ответил. Так, что ещё на столе? Ага, смотрю, что-то с креветками, ещё мясо в нарезке, рыбное ассорти, хлеб и махонькие пирожки, исчезающие со скоростью света во рту напарника. И роллы – как же без них! Вот тоже не понимал пристрастия Ботаника к японской кухне местного разлива. И шашлык – тоже бы удивился, не уви-

дев его на столе. Ещё должна была быть пицца. Обычно Пётр ел роллы вприкуску с шашлыком, заедая всё это пиццей и запивая кока-колой – б-рррр! – но сейчас я её что-то не видел, наверное, не было в меню.

– Пирожки с чем? – поинтересовался я, отодвигая квадратное блюдо с роллами поближе к Петру.

– Да ты не слушаешь меня! – возмутился Ботаник.

– Слушаю. Пирожки с чем?

– С капустой, – проворчал он недовольно.

– Блюдо с пирожками поближе ко мне поставь и закажи ещё, я сейчас, кажется, тоже тарелку пирогов смолочу. Так что ты говорил?

– А то и говорил, что не понимаю, почему Сорокин к руднику прицепился. Там не подступишься, москвичи крепко сидят и просто так не отдадут кусок хлеба с маслом, если образно выразиться. Я тут после совещания с человеком созванивался, порекомендовали авторитетные люди, так вот, он большой спец по золотодобыче, Бузгович фамилия – не слышал? – Я отрицательно покачал головой. – Так вот, по телефону предварительно консультировался с ним, заикнулся по поводу приобретения рудника. Он говорит, что там недавно новое оборудование закупили – очень производительное, и что сейчас хвосты перерабатывать начали. Не знаю, куда мы там с нашими технологиями воткнуться сможем? Они там вложились прилично, и о продаже даже разговора нет никакого. Да вот я ещё что думаю, – Ботаник отодвинул пустую

тарелку, придвинул другую, с бифштексом, и, ловко орудуя ножом и вилкой, продолжил:

– Ладно, с этим не мне возиться, по твоей части, но Ник-Ник особо отметил по странностям разобраться, так там нет ничего интересного – вообще. Пещеры есть, конечно, да карстовые явления вообще по всему Алтаю наблюдаются, но там геологи всё вдоль и поперёк излазали – рядовые совершенно пещеры. Для начинающих спелеологов-любителей подойдут, а мне-то там чего ловить? Тема совсем примитивная, а вот в Рудном Алтае – там да, там есть, где разгуляться, слушай, у меня такие гипотезы есть – вот бы проверить на месте...

– Тебе мама в детстве не говорила, что с набитым ртом не разговаривают? – подколот я друга и замер, потому что повторил те же самые слова, которыми Аркадий тогда осадил Ваньку, прекращая его пустой трёп...

* * *

– Тебе мама в детстве не говорила, что с набитым ртом не разговаривают? – сказал Профессор, поморщившись: Ванька во всё горло ржал над ужимками доморощенных комиков, тупо комментируя и, видимо, сбивая Аркашу с мысли. – Слушайте сюда, пацаны. Помните, как мы тогда в Рубцовск через день-два мотались? – Аркадий внимательно смотрел на меня, но моё лицо не выражало ничего, кроме напряжённого непонимания – по крайней мере, я на это надеялся.

– Не, Аркаш, не помню, – я, подражая Ваньке, почесал затылок, – не, ты тогда много куда мотался. Я чё, записывал, что ли, кого ты по муке развёл, кого по машинам? Ну, мотались, ну по муке ты кидалово хорошее устроил, а кто там Кращенко, кто чёрт лысый – какая, на хрен, разница?

На самом деле я прекрасно помнил и те поездки в небольшой районный городок, и людей, с которыми пришлось столкнуться. Прекрасно помнил, как выменяли тогда фиктивный уголёк на состав муки. Как потом ездили с Профессором в Нерюнгри, чтобы эту муку «слить» – то есть выгодно продать. Деньги тогда отхватили немалые, и Профессор сразу погасил почти половину долга Сергею Сергеевичу – своему основному кредитору. А потом Аркадий занялся казахстанским мрамором и снова неплохо подзаработал. Причём с подачи своего давнего знакомца – Кращенко. Нас с Иваном Аркадий тогда представлял телохранителями. Из инструктажа Сергея Сергеевича я знал, что рудник принадлежит Кращенко – тот приватизировал его, за копейки купив акции у пайщиков, а деньги ожидаются через какую-то серьёзную банковскую схему, разработанную Аркадием. Геннадий Фисенко – подставное лицо, собственно, он бегал по банкам с Кращенковым, он же не вылезал из администрации, выбивая правительственную гарантию – Аркадий только дёргал за ниточки, дирижировал процессом и в нужные моменты звонил нужным людям – чтобы приняли его протезе, обласкали и нечаянно не послали куда подаль-

ше.

Профессор затаился, выпустил несколько колечек ароматного дыма и как-то весь подобрался. Будто большой кот на минуту замер перед тем, как схватить мышь. А мышью для него был именно Кращенко. Я, отметив это, уже знал – Кращенко здесь, пришёл на встречу.

– Так вот, – собеседник продолжал выдавать свою версию предстоящего дела, не зная, что я уже посвящён в детали, – у меня примета верная есть: когда рядом с Толей Кращенковым Геныч появляется, значит, скоро большими деньгами запахнет. Фисенко на прибыль реагирует, как градусник на колебания температуры. Я по выражению его хитрой физиономии даже сумму могу вычислить. Чем счастливее лицо, тем больше нулей после единицы. В общем, пацаны, я подсуетился, по своим каналам пробил – фирма у них есть – «Престиж» называется.

– И что? – спросил я, мысленно усмехаясь: градусник, как же! Ещё бы сказал – флюгер! Будто я не знаю, что и фирма де-факто принадлежит Профессору, и Генка для него старается.

– И то, Яша, что Толяну крупная сумма должна подойти. Девочка у меня есть, в администрации, так она сказала, что Кращенко под федеральную программу залез, а Фисенко под это кредит под гарантию краевого бюджета берёт, – в этом месте я мысленно присвистнул – надо ж так было обработать, вот уж действительно: вор у вора дубинку украл.

И Фисенко, и Кращенко были тёртыми калачами! Аркадий будто и не подозревал, что у Степаныча – не знаю, кто уж там за ним стоит – могут тоже быть интересы на этот рудник. А может, и подозревал, просто не показывал вида. Сейчас, по крайней мере, по нему не скажешь – расслабленный, спокойный. – Я с ними разговор веду – вроде как в долю войти, ну компаньон там и всё такое, – продолжал говорить он – монотонно, быстро. – Не зря же просчитывал все ходы... Но и Гена, и Толик кормят меня обещаниями, вроде бы согласны, но ввести в состав соучредителей не торопятся. Боятся, что снова кину. Иначе бы я не стал к вам обращаться.

– Блин, ну ты намутил. – Ванька почесал затылок. – Ты проще говори, а то я снова не въехал – чё от нас-то надо?

– Надо, чтобы вы этих двоих не только в лицо знали, но и лично с ними знакомы были. Дело простое, а заплачу хорошо – две штуки баксов.

– А дальше? – этот вопрос задал я. В общих чертах понял, какую интригу плетёт Аркадий, но, зная его методы, опасался, что нам с Ванькой Профессор отводит роль мальчиков для битья. А что, грабители отняли деньги и документы – какой-такой Аркадий? Он со всех сторон будет чист, как первый снег! А передачи в тюрьму будут носить нам с Ванькой.

– А дальше мне надо будет, чтобы Гена Фисенко не ушёл с деньгами. Собственно, просто скажу, где что лежит и когда надо взять.

– И всё? – с сомнением в голосе спросил Иван. Я быстро

глянул на друга и, пока Аркадий не заметил этого сомнения, задал вопрос, направляя разговор в другое русло:

– Их в живых не оставлять? Или типа попутать маленько? Машину угнать или двери в квартире поджечь?..

– Да вы что?! Я чту Уголовный кодекс – всё в рамках закона. – Он усмехнулся и, очень многозначительно посмотрев на меня, добавил: – Мне вообще странно слышать такие предложения от выпускника юридического факультета. Успеете ещё – позажигать...

* * *

– Во зажигают! – Я вздрогнул, моргнул, потряс головой – на миг мне показалось, что слышу голос Ивана, и, ничего не понимая, я посмотрел на Петра – тот аплодировал артистам. То ли выпил уже? Точно – графинчик пуст, хотя я к водке и не прикладывался.

Внезапно я почувствовал раздражение – Ботаник, как и Ванька, мог часами смотреть любой концерт и всегда восхищался так, будто впервые увидел тот или другой номер. Сам я и тогда, много лет назад, глядя на Ивана, не мог понять, как может вызывать подобный энтузиазм то, что ты уже однажды видел, пробовал, чувствовал, но на друга в такие вот моменты почему-то смотрел с лёгкой завистью. И сейчас так же смотрю на Петра, тоже не могу этого понять и снова чувствую раздражение. Думал, пережил, но... Ведь столько

раз заходил сюда, и всё было нормально, а сегодня вот накрыло...

– Яшка, не спи, замёрзнешь, – снова пробился в уши голос напарника. – Смотри, какая колоритная компания за соседним столом. Оглядываются в нашу сторону. Знакомые, что ли?

Сидящих за соседним столиком я не знал, но Петро прав – колоритные ребята, будто из девяностых выпрыгнули. Я очень хорошо помнил девяностые годы. Я старался забыть их и не мог...

– Яш, так что по руднику делать будем?

– А?! Рудник... Да-да... Да. Поедем, на месте осмотримся. Ты прости, я отвлёкся. Что ты перед этим говорил?

Петро сморщился:

– Не люблю повторяться, но для особо озабоченных личной жизнью... Во-о-от... На рудник можно даже не ездить – пустая трата времени, и внедрить там наши технологии по извлечению золота из особо упорных руд не получится. А предполагаю, поскольку бюджет не ограничен, прошвырнуться до Коргона, исследовать чудские копи. Далековато, но оно того стоит! Ты можешь себе представить, Яшк! Нет, ты даже не можешь себе представить... – Ботаник воодушевился, и я приготовился слушать – сейчас понесёт заучку. – Представь, прекрасно сохранившийся рудник с оригинальной крепью! Вот что такое скифский рудник обычно? Обыкновенная копанка, воронка в земле, где всё обсыпалось, об-

валилось так, что соваться туда себе дороже – просто невозможно, яма, алес, короче. А тут есть у меня план одного прииска – старого – так он соединяется с естественной системой пещер, и как я предполагаю, чужь туда из пещер и попала. Скифами там и не пахнет, то есть скифы там были, но гораздо позже, а что все непонятные и странные предметы на скифов списывают – всё это бред и подтасовки. А вообще, у меня по скифам большие сомнения, они туда особо и не совались. Тайга, глушь, дичь, скот негде разводить. Но факт древних выработок есть.

– Так, стоп! Тормозни. Мы не археологи, и Ник-Ник вчера нам ясно дал понять, что ему нужен только современный вариант копей. И специально для тебя добавил, что в структуре концерна археологический институт не предусматривается. А Николай Николаевич – прежде всего специалист и не любит, когда его работники отвлекаются от основной темы. Дело, как я понимаю, плёвое – осмотреть рудник, определиться с геометрией пространства, взять образцы – это тебе, а мне разобраться с документацией и решить, как мы будем сотрудничать с его номинальными владельцами.

– Сейчас человек подойдёт, – огорошил меня напарник. – Я же тебе всё утро о чём толкую? Вчера встречался с одним типом – как раз про рудник разговор шёл. Он сказал, что по руднику у него подвязки серьёзные, несмотря на москвичей. Хотя – тоже уже говорил, деньги туда ввалили серьёзные...

– Так, второй раз стоп! Ботаник, сейчас не девяностые го-

ды, и «подвязки», как ты выразился, только у девок на чулках – и то редкость. Что вчера говорил Сорокин?

– Да помню, – буркнул Петро. – Большие запасы полиметаллических руд, руды суперупорные, то есть добыть металлы, входящие в состав этих руд, очень сложно... – он умолк и нарочито-обиженно засопел.

Вчера Сорокин был на взводе. И именно из-за рудника. Поэтому говорил резко и категорично:

– Разобраться с собственностью, подготовить документы на покупку, любыми исследованиями, отклоняющимися от основной темы, не заниматься. Категорически запрещаю даже отвлекаться на второстепенные вопросы, – он упёрся ладонями в стол, нагнулся так, что на мониторе его лицо стало выпуклым, как в линзе, едва не ткнулся носом в камеру – совещание проходило по скайпу. – Петр, ты меня слышишь?

Петро не нашёл ничего лучшего, как ответить:

– Да слышу, слышу...

Я едва сдержал смех, но Сорокин, неожиданно для меня, сам рассмеялся.

– Ладно, после покупки я тебя запущу туда, и лично проверишь, что там чудит и почему. А заодно мою тему по геометрии пространства проверишь в полевых условиях. Сегодня скину работу, почитай...

Задание обычное, ничего сверхъестественного. Я ещё раз прокрутил в уме слова Ник-Ника и, вставая, хлопнул напарника по плечу.

– Материалы вчера Ник-Ник сбросил?

– Угу.

– Ну и?

– Ну и не интересно тебе будет, всё равно в этом ни черта не понимаешь. Там цифры, графики – работа серьёзная. Так что, с человеком встречаться будешь?

– Нет. Поехали.

– Куда?

– На кудыкину гору. На рудник...

– Яков, ну нельзя так, я же человека специально пригласил, и человек непростой – знающий, компетентный... – Пётр ещё что-то говорил, но я не слушал его, смотрел на компанию колоритных бритых ребят через пару столиков от нас. К ним подошёл мужчина, не сказать, чтобы сильно пожилой – лет шестидесяти, сухой, поджарый, подтянутый, с коротко остриженными седыми волосами, с сухим, морщинистым лицом и в очках. Наверное, из-за очков обратил на него внимание – массивная оправа из жёлтого металла не давала рассмотреть лицо, в первый момент показавшееся знакомым – чёрт бы побрал эту светомузыку!.. – Яков, я с тобой говорю!

– А, да... да. Так что?

– Так то! – Напарник кивнул в сторону интеллигента в массивных очках, сказал:

– Специалист, про которого я говорил. Не вежливо, если мы сейчас встанем и уйдём. – И он, резко отодвинув стул,

вскочил. – Здравствуйте! Мы здесь!

«Специалист» повёл себя неожиданно. Сначала он улыбнулся, повернувшись на оклик Петра, поднял в приветствии руку, но к нам не подошёл. Рука упала вниз, не завершив жеста, а я чуть не подскочил на месте – это был тот самый незадачливый пешеход, угодивший вчера утром на капот моей машины! Он, видимо, тоже узнал меня – улыбка сползла с его морщинистого, красноватого лица, и человек, развернувшись, быстро пошёл к выходу. Миновав обеденную зону, он оглянулся и перешёл на бег.

– Да стойте же! – крикнул Пётр, пускаясь вдогонку.

– Петька! Куда ломанулся?! – душу скрутило нехорошее предчувствие, но Ботаник проигнорировал. Или не услышал – как раз загремела музыка, на сцену выплыла солидная тётка в балахоне – показывать фокусы.

Я подозвал официанта:

– Быстро! Сумму. Посчитаешь за три секунды – чаевые сверху вдвойне. – Тот просиял, просканировал пустые тарелки и, не заглядывая в блокнот, выдал цифру, равную трём обедам в более дорогом заведении, но спорить я не стал – достал бумажник, выложил двойную оплату и быстро, стараясь не сорваться на бег, прошёл через зал. Ресторан располагался на втором этаже, на третьем была дискотека, первый занимали кухня, комната охраны и хозяйственные помещения. Лестница шла почти винтом – крутые повороты с узенькими площадками. Перескакивая через ступеньки, вылетел к

повороту на выход и, споткнувшись обо что-то мягкое, едва не упал. Успел сгруппироваться, приглушить скорость, вцепившись в перила, но всё равно рукой угодил в лужу на ступеньке. Выругавшись, заорал:

– Почему нет света?!!

Рядом открылась дверь в служебные помещения, выглянула бледная Тося:

– Что-то случилось?

– Свет! Включи свет! И скорую, быстро!!! – закричал на неё я, увидев на руке кровь. Администраторша юркнула назад, на автомате закрывая дверь, но я успел подставить ногу:

– Дура! Свет нужен! Оставь открытой.

И метнулся к лежащему на ступенях телу. Включили свет, тут же на лестницу выбежала Тося и, увидев предмет своих мечтаний в крови, метнулась назад.

– Аптечка! Где аптечка!!! – закричала она на всю кухню, но я почти не слышал её...

– Петруха! Петро!!! Не умирай, братишка...

– Ты трясги меня перестань, может, тогда и выживу... – ответил Петро слабо, но внятно.

– Господи, думал, тебе конец – кровь по всей лестнице.

– Да, похоже, пол-лица съёс, – ответил Ботаник, со стоном поднимаясь на ноги. – Темно, вылетел на площадку – и будто кто в спину толкнул. Больно, чёрт! А морду съёс, видимо, когда по ступеням вниз лицом ехал.

– Кто-то ударил? Видел?

– У меня на затылке глаз нет, – проворчал Петро, прижимая к кровоточащей ране на щеке мятый носовой платок. – Поскользнулся, наверное... Очки мои не видел?..

– Да вот они... Надо же, не разбились... Ты мне скажи, зачем ты побежал за этим придурком? Видно же, что неадекватный – пришёл на встречу и бежать!

– Не знаю, рефлекс, наверное, сработал...

Приехала «скорая помощь». Когда напарнику протёрли лицо спиртом, оказалось, что рана была пустяковая – рассечена бровь, царапины на щеке и лёгкое сотрясение. Врач, посмеиваясь, порекомендовал меньше пить и не бегать за местными красавицами по тёмным лестницам. А ещё сказал, что не помешает сделать снимок и недельку полежать в кровати.

Я хотел отменить поездку, но Петро упёрся, наотрез отказался ехать в травмпункт и спросил:

– А поесть у тебя ничего нет?

Я рассмеялся.

– Ну, если опять голоден, то жить будешь. Поехали, проглот. Переночуешь у нас. А поесть Аллочка наверняка приготовила...

Но дома не было ни ужина, ни Аллочки, ни её вещей. Забрала даже собаку, хотя как будет держать его в своей двушке, я не представлял – она на меня за каждую разбитую чашку ворчала, а тут щенок! Сотовый не отвечал, какой-нибудь записки, объясняющей её уход, тоже не было. Посмотрел на часы – полпервого ночи, звонить поздно.

Теперь уже захотелось отложить поездку самому, но... я разозлился!

Глава вторая

Выехали на рассвете. Поехали через старый мост, мимо новоалтайского кладбища, миновали развязку и скоро уже мчались по Чуйскому тракту. Промелькнули Баюновские Ключи, мы выскочили из соснового бора и понеслись по пустынной в это время суток дороге, вдоль которой сливались в ленту берёзовые околки, укутанные золотом листьев. Вообще, берёзы осенью особенные, невесомые, лёгкие. Листва частично осыпалась, устелив ковром землю. Красота, для которой не находилось слов. И равнодушно смотреть на осеннее великолепие природы не смог бы, наверное, даже самый зачерствевший человек. На пригорках и в ложбинах иногда мелькали крыши деревень, убранные и вспаханные поля, кое-где уже пробивались яркой зеленью озимые, просёлочные дороги пыльными лентами уходили то вправо, то влево. Иногда из тёмной полосы соснового бора выскакивал поезд и, гудя, снова пропадал в густо-зелёной темноте – железная дорога шла параллельно Чуйскому тракту, где-то ближе, а где-то совсем далеко, так далеко, что был не слышен даже стук колёс. По дороге то тут, то там попадались кафе, рыбаки уже с утренним уловом тоже были на трассе, растянув верёвки с навешанной на них рыбой; они вяло махали ветками, отгоняя от себя комаров, особенно злых на рассвете. На лотках возле автосервисов и кафе уже сидели деревенские

жители с вёдрами собранных вчера грибов, выкладывали на прилавки горки помидоров и огурцов, вилки капусты и яркие, красно-оранжевые шары тыкв.

Петро сгоряча предложил поехать через Турочак, по правому берегу Бии.

– Да говорю ж тебе, Яшк, там дорогу отремонтировали, красота! Заодно через Бийск не придётся тащиться, не, точно говорю – там короче будет. – Пётр зажмурился, потряс головой и, сунув руку в карман, выудил оттуда пакет мятных конфет. – Будешь? – предложил он.

– Нет. Мутит? – задал я вопрос, кивнув на конфеты. – Может, зря в травмпункт не пошёл?

– Не, нормально, – ответил он, но я видел – врёт. Чувствовал себя Ботаник как минимум паршиво, это было видно невооружённым глазом, а выглядел ещё хуже: ободранная щека, распухшая скула, заплывший глаз.

– А в Турочаке я хочу кумыса попить. Там же верблюды есть?

– Там бараны... будут, когда я тебя привезу.

– В смысле? – Напарник не понял подначки. – Какие бараны?..

– Да такие, как ты – учёные. Какие, на хрен, верблюды в Турочаке? Там же тайга! С Кош-Агачем попутал? Сейчас в Бийске тормознём у любого магазина, купим кумыс, если душа у тебя просит. Зря вчера водки столько выжрал.

– Да не, я так-то ничё, не с похмелья. Просто мутит немно-

го и голова кружится. Скорее бы приехать. Слушай, Яков, может, и вправду через Турочак рванём?

– Ботаник, я вот не пойму, а ты куда-то торопишься? По-едем медленно, ты мне бумажки считаешь, которые тебе Сорокин скинул. Или так расскажешь, ведь сам наизусть уже выучил, насколько я тебя знаю. А заодно подумаешь о том, какая после дождей дорога от Турочака, на левом берегу Бии. И если у тебя нет хорошего вездехода, желательно, армейского, то топать нам придётся своими ножками, с поклажей на плечах.

– Нормальная там дорога, до Сёйки рукой подать. Я на сайте смотрел, так они там уже и производство вроде наладили, дорогу на Кузбасс отсыпают. Да я ж вчера тебе весь вечер талдычил!

– Эх, Петро, Петро, не быть тебе никогда держателем общей кассы, – я рассмеялся, понимая, какой ценный совет дал мне Пал Палыч, когда порекомендовал придерживать Ботаника. – Ты какой «Весёлый» имеешь в виду? Уж не «Весёлый-Сёйка» ли? И вопроса, как там пикотехнологии опробовать, у тебя точно не возникло. Ведь так?

– А ты откуда про пикотехнологии знаешь? Я же тебе ещё не читал... – он повернул лицо ко мне, а я отвернулся, сделав вид, что смотрю на дорогу, чтобы не рассмеяться, так нелепо смотрелся он с синяками и ссадинами. Вот сколько раз, глядя на своего учёного друга, думал, что драться ему точно никогда не приходилось. – Не могу понять, Яков, как тебе

удаётся все новости раньше всех узнавать?

– Мне их от Сорокина сорока на хвосте приносит, – хотнул тот в ответ. – А с навигацией дружить надо. Ты же, Ботаник хренов, навигацию наукой считаешь, видимо, с географией путаешь, поэтому тебя и заносит куда ни попадя.

– Никуда меня не заносит, – проворчал Пётр. – Так куда мы едем?

– А едем мы на прииск «Весёлый», это немного в другой стороне. Прииск – хотя по бумагам он идёт как рудник. А находится он недалеко от Коргонских каменоломен.

– Каких-каких?

– Коргонских. Где порфир и яшму добывали.

Петро замолчал, непонимающе уставившись на меня. Я хмыкнул – с Ботаником всегда так, он в городе-то блудил, никогда не приезжал вовремя, путал улицы и маршруты, а здесь уж и подавно. Сейчас разразится бурной тирадой...

– Так это же совсем в другую сторону... – начал он, взъерошив льяные вихры и поправив на носу очки с большими диоптриями. Насупился, будто сам не видел в документах карту. Хотя видел, скорее всего, но не придал значения. – Я же материалы все по Сёйке поднял. Ещё удивился, что там руды-то лёгкие. И работают они там успешно. И мужичка этого подтянул – как раз по сёйкинской теме. А ты всё знал и слушал. Ты смеялся надо мной?

Не объяснять же дураку, что я его хоть и слушал, но не слышал? Думал. Думал про Аркашу, про Ваньку, про Аллоч-

ку... И про жизнь-заразу – такую свинью подложила с этим прииском!

– Короче, так, слушай команду. Бери мой ноутбук, перебирайся на заднее сиденье и изучай материалы, папка называется прииск «Весёлый». А я сейчас до Бийска, там поверну на Белокуриху, потом на Солонешное. А после решим, как ехать – через Каракол или через Усть-Кан.

– А зачем на заднее сиденье? – проворчал напарник недовольно. Но я остановил машину, кивнул назад:

– Давай шуруй. Там в сумке бутерброды, термос с кофе, так что будет чем рот занять, чтобы меня разговорами не отвлекать. И вот ещё что... если затошнит – кто знает, вдруг действительно мозги стряс – то говори сразу, остановлюсь. Ладно, за работу.

Но заставить замолчать моего зама по науке не так-то просто. Не забывая про бутерброды, он тем не менее умудрялся задавать вопросы, но чаще риторические, не требующие ответа. Просто комментировал документы, эмоционально, бурно, будто читал не сухие отчёты, а любовные письма.

За разговорами не заметил, как миновали Полковниково, проехали Троицкое. Тракт в очередной раз расширяли, ремонтировали, скорость на этих участках падала, и можно было неспешно полюбоваться на пригорки, покрытые прозрачными берёзовыми лесками. Золотые берёзы в рассветном солнце казались кружевными, но у меня почему-то всплыли воспоминания о Поломошном. Белые, звенящие на ветру де-

ревя, листья сердечками, воздух жемчужный, сверкает перламутром – и вмиг всё это превращается в перекорёженные, опалённые коряги, торчащие из болота, а вокруг тёмный, беспощадный пихтач... Передёрнуло. Не к добру вспомнил. Вообще, чудом выбрались из посёлка пробного коммунизма, и вспоминать об этом перед новым заданием вовсе не стоит. Петруха что-то бубнил себе под нос, я не прислушивался, задумался.

Сверкнуло солнце. Отогнув козырёк, посмотрел на фотографию Аллочки. Здесь она была снята весной, под зонтиком, с воздушным зелёным шарфом на медных волосах. Глаза её смеялись. Помню тот день хорошо, она дразнила меня, показывала язык и вообще дурачилась, как ребёнок, а я фотографировал... Вчера она огорошила новостью – как раз перед тем, как Пётр затащил меня в «Хаус-клуб». Я дня за три до этого купил кольцо, хотя немного неловко было – чувствовал себя героем дешёвой мелодрамы: романтический ужин при свечах в ресторане, бокал с шампанским, в нём кольцо... Или – коробочка с кольцом под салфеткой, и я на коленях произношу пламенную речь... Или... Да какая разница? Оба взрослые люди, и по большому счёту она могла бы сама сделать первый шаг – хотя бы начать тему или как-то по-другому обозначить потребность узаконить отношения! Но нет, молчала, будто ей всё равно, будем мы вместе или завтра разбежимся навсегда... Так и получилось, хотя, казалось бы, мы настолько сложившаяся пара, что регистрация

брака – скорее, простая формальность. Но – она собрала вещи и ушла, не написав не слова. Неужели всё?..

Я даже не понял, на что она рассердилась. Вчера, после работы, договорившись с Петром, что встретимся позже, мы с ней ехали по Красноармейскому проспекту. Аллочка была в таком настроении, что я исподтишка любовался ею. Просто светилась. Медные волосы, белая кожа и глаза – карие, горящие счастьем. «Солнышко ты моё», – подумал я, но вслух ничего не сказал. Не умею, вот сколько женщин было, а шептать на ушко разные глупости так и не научился. Вообще, романтика у меня стоит где-то на последнем месте в условном списке необходимых вещей...

– Ой, Яш, что хотела тебе рассказать... – она, всплеснув руками, прижала ладони к щекам, а я поразился уже в который раз: как у Аллочки получается быть жёстким, волевым человеком на работе и становиться столь ранимой и нежной, и даже беспомощной, после неё? – Ты не слушаешь! – Она нахмурилась, но тут же безоблачно улыбнулась:

– Ладно, слушай! Так вот, я недавно в посёлке Восточном была...

– Стоп, а за каким чёртом тебя туда понесло?

– Не перебивай, потом расскажу. Такой район – просто ужас! Не понимаю, как можно жить в такой нищете вечно? Нет, родиться ты можешь где угодно, но ведь потом всё равно стремишься улучшить свою жизнь, ведь так? А там живут и живут годами, десятилетиями и умирают там же. Вот ска-

жи, Яш, почему люди не стремятся к лучшей жизни? Неужели им нравится прозябать всегда?!

– Анекдот вспомнился, про червяков, старый, – улыбнулся я, не подумав, что улыбка может быть воспринята как снисходительная. – Так вот, маленький червяк высовывается из коровьей лепёшки, смотрит вверх и спрашивает: «Папа, смотри, червяки в яблоке живут! Почему же мы живём в коровьем дерьме?» А папа-червяк отвечает: «Потому, сынок, что есть такое понятие – Родина». Отвечая на твой вопрос, Аллочка, слово «Родина» я заменяю словом «среда». Естественная среда обитания... Она формирует стереотипы, сломать которые почти невозможно. Почти... Так-то, солнце моё, где родился – там и пригодился.

Я посмотрел на неё и захотел проглотить свой поганный язык – будто лампочку погасили. Кровь отхлынула от лица, глаза, вмиг ставшие серьёзными, потемнели, и выражение их не предвещало ничего хорошего.

– Я вчера тебе хотела рассказать о себе, о своих родителях, а ты не стал слушать. А Восточный... Я там родилась! – сказала она с вызовом в голосе. – И я беременна.

Мне надо было вдохнуть побольше воздуха, подумать, сосчитать до десяти, в конце концов, но будто бес вселился! Ведь понимал же, что она на взводе, и торопиться не стоило, и всё равно не мог остановиться:

– Вот и отлично, сейчас заскочим в загс, напишем заявление. Простая формальность.

– И всё? – В её голосе появились металлические нотки.

– А что ты хотела?! – неожиданно для себя самого я сорвался на крик. – Тебе что, надо, чтобы как в голливудских фильмах было? Романтику, розовые слюни и всё в мыльных пузырях? Мы с тобой взрослые люди, Алла, и я уже говорил тебе, что люблю тебя и ты мне нужна. Тем более будет ребёнок, думаю, есть смысл узаконить отношения. А всё остальное – мелочи.

– Останови! Останови, сказала!!! – закричала она, я машинально нажал на тормоз.

Аллочка задёрнула ручку, и угораздило же меня именно в этот момент сунуть ей футляр с кольцом! Она замерла, открыла коробочку и в следующую секунду взглянула на меня глазами разъярённой кошки, потом коробочка полетела мне в лицо, едва успел увернуться, а Аллочка... Аллочка выскочила из машины, прошипев на прощанье:

– Видеть тебя больше не хочу... урод... моральный!

И всё свалилось на мою голову прямо перед поездкой. И этот чёртов «Весёлый», и «Хаус-клуб», и ссора с Аллочкой! В результате еду и думаю: «Может, я действительно моральный урод, потому что хоть убейте, не понимаю, что её так разъярило? Хотя... беременность, гормоны и всё такое – может, поэтому и распахивалась?» Плохо, что не поговорили перед отъездом, но она тоже знала, что меня какое-то время не будет в офисе – и всё равно ушла. В конце концов, Алла не маленькая девочка в красной шапочке, а я не злой

серый волк! Понимал, что пытаюсь оправдать себя, но легче от этого не становилось. Почему-то у женщин мужчина всегда виноват, и чаще потому, что не умеет читать мысли и в очередной раз не смог угадать желания. Где бы взять инструкцию или какой-нибудь свод законов – негласных, женских? Усмехнулся, представив подобное издание, но всё равно нехорошее предчувствие сжало сердце. Запретив себе думать об Аллочке, сосредоточился на дороге.

Бийск проехали на удивление быстро. Серый городишко, средненький. За мостом через Бию взял вправо. Вот наконец мост через Катунь, ярко-зелёная, цвета бутылочного стекла, вода Катунь резко контрастировала с сине-серыми водами Бии.

– Когда ещё можно будет увидеть две великие алтайские реки неподалёку от слияния, – подал голос Петро. – А ведь хорошо, что мы туда едем. Шеф, как всегда, мудр. Я был примерно в тех местах полгода назад. Скифские рудники. Остатки крепости Курее-Таш. Только был с той стороны, в районе Сентелека. Коргон там рядом, двадцать километров всего. Может, мотнёмся туда по пути.

Я не смог удержаться от хохота:

– Ну ты жжёшь, Ботаник!!! Нет там дороги. Эти двадцать кмэ только на вертолёте преодолеть можно. И сесть этот вертолёт не сможет – по верёвочной лестнице вниз спускаться придётся. Там в папке документ, «Из переписки с друзьями» называется, прочти...

– Так... Ага, вот... нашёл! Итак, дорогой Яков, отвечая на ваш вопрос, сообщаю... Слушай, Яков, что корреспондент? Стиль – как в прошлом веке.

– Не отвлекайся, читай давай. Формальность – дело великое, кстати, рекомендую, когда переписываешься с пожилыми людьми, прекратить игнорировать формализм. Хотя ты и про обычную вежливость забываешь, так что считай замечание беспредметным.

– Нормально-нормально, – отмахнулся он. – Все знают, что я – чокнутый учёный, и прощают мне маленькие чудачества. – Петро рассмеялся. – Итак, дальше корреспондент пишет, что дороги между Сетнелеком и Коргоном нет. Точнее, она была когда-то, но завалена глыбами, которые падают со скал. Временами кто-нибудь её расчищает, какое-то время она функционирует, потом снова по ней никто не ездит... Ого! Яшк, последний раз аж в 1988 году её приводили в порядок, прикинь?!

– Ты читай без комментариев, как написано. И лучше вникни, чтобы представлять себе хотя бы частично, где окажемся.

– Читаю: «...перед нами там работали геофизики, они где-то камни убрали, где-то через наиболее крупные глыбы мостки сделали, но сейчас по ним наверняка никто не ездит, да и вряд ли они сохранились – столько лет прошло. Колыванцы едут на Коргон через Сентелек на Урале, два или три раза форсируя Чарыш (по малой воде, конечно), на менее мощ-

ном автомобиле не проехать по-любому. На Коргон сейчас едут через Усть-Кан, а на каменоломню есть два пути – из села Коргон вброд через реку Коргон – но на легковушке, даже типа “Нивы” или на уазике, не проехать. Надо ГАЗ-66. Есть и другой путь – через Седло – перевальчик по правому борту Чарыша выше Коргона. Но дорога тоже отвратительная. Чуть сбрызнуло – не подняться. Как ездили из Чарышского на Бухтарму, не знаю. Сейчас – конными тропами, по тому же Сентелеку, а про тележный путь тоже не знаю. Нерудка разведывала золотые россыпи на Башчелаке, притоке Чарыша. В отличие от притоков Ануя, Дрезговитой и Чёрного Ануя, где я работал и где было “неподъёмное”, мелкое золото, там были “тараканы” – мелкие самородки. Про дореволюционные россыпи не знаю, но в районе Коргона, ниже Каменоломен, по ручью Казённому был рудник. И недалеко от дореволюционной точки, известной с начала девятнадцатого века, несколько выше по течению, вели разведку и добычу уже в советское время...» Слушай, он что, про прииск Весёлый пишет?

– Про него. Вот вникай, что опытные люди про ситуацию в районе наших работ рассказывают. Там ещё про рудник материалы – посмотри папочку «Весёлый-2». Очень странный прииск, непонятный. В той же папке и про скифские рудники, прилегающие к нему, и про пещеры...

– Всё ясно, но всё равно обидно, зачем меня было за нос водить? – проворчал друг. – Подсунули мне тему «Ве-

сёлый-Сёйка», я, как идиот, перелопатил гору материалов, человечка этого нашел... который про «Весёлый»... «Весёлый-Сёйка»... – поправился он, – должен был всё рассказать. – Петро обиженно замолчал и надулся. – Вообще, очень уж у нас все на секретности помешаны и на всяких хитрых ходах. Чтобы враг не догадался? Вдруг не спит, не дремлет? А наше руководство, как всегда, на посту и бдит... – Петра несло. Давно накапливавшиеся обиды сейчас прорвались, и Ботаник, пользуясь случаем, с удовольствием высказывал их мне.

– Слушай, Петро, а ты что о концерне любимом нашем знаешь? Ну кроме того, что он даёт тебе возможность зарабатывать, не думать о хлебе насущном и реализовывать свои наработки? Так сказать, удовлетворять своё научное любопытство за счёт концерна...

– Что знаю? То, что шеф наш Сорокин Николай Николаевич, учёный с мировым именем, ну, даже очень хороший учёный, настоящий физик, знаю... я очень его уважал, ещё до знакомства, и сейчас уважаю очень, за Поломошное, прежде всего. Малая родина и всё такое, – тут он смутился, махнул рукой в сторону и сморщился. – Ведь полная безнадёга была... Особенно когда школу стали закрывать, чтобы детей в Шатохино... в интернат... Приезжаешь в райцентр в отдел образования, а там дамочка сидит неопределенного возраста – глаза пустые: «Ничего не знаю есть указание по оптимизации расходов... школа малокомплектная... норма-

тивы не выдерживаются», – передразнил он так, что я, будто живую, увидел чиновницу. – А, да что говорить... Зато сейчас за год как поднялись! Заводы поставили по глубокой переработке молока, пшеницу полностью перерабатываем, и всё по уму комплексно... Продукцию в своих магазинах реализуем...

– Так что же получается, у концерна задача – подъём сельского хозяйства? Нет у него такой задачи, Петя. Нет, не было и впредь не будет. Поломошное попутно получилось, плюс ещё три хозяйства в крае пришлось прикупить. Основное – посёлок пробного коммунизма и институты. Инновации – вот основное. Разработка, доведение до опытного производства. Часть производств потом пристраивается в хорошие руки. А часть дальше продолжает развиваться. В рамках концерна. В начале девяностых Ник-Ник написал докладную в ЦК с подробным бизнес-планом, что можно сделать с заделом, с наработками наших учёных в оборонке, в фундаментальной науке, в вузовской науке... Да-да, не делай круглые глаза, в вузах тогда много чего интересного открывали, разрабатывали и пытались до производства довести. Да в том же АГУ нашем знаменитый проект «Кронос» – не слышал?

– Нет.

– Вот-вот. Мало кто слышал. Но ещё услышишь. Материалы по нему недавно готовили, так что кто знает. Так вот, Ник-Ник тогда, совершенно случайно, прорвался к Бокатину и к Шенину. Они тогда науку и оборонку курировали. А

времена как раз были смутные, и, видимо, на подстраховку, ему отдали всю базу данных – по наработкам, по патентам. Обещали финансами подкрепить, опытное производство сделать, да много чего обещали. Но грянул путч – и пшик, все обещания медным тазом. Сорокину пришлось выкручиваться самому. Не знаю, как он сделал и что, но концерн организовал очень быстро – подозреваю, что не без помощи спецслужб. Да что там подозрения – скорее, действительно так и было. Это сейчас Ник-Ник такой белый и пушистый загорает в Намибии, а в девяностые я даже не представляю, сколько грязи ему пришлось разгрести и через что пройти. И сейчас по этому руднику основная тема – не золотодобыча, поэтому ты со мной здесь. Золотом у нас много кто занимается, игроки очень серьёзные, и конкуренцию мы им, естественно, не составим, да и не нужны нам эти крысиные войны. А вот почему люди туда заходили, а потом выходили спустя много лет в том же возрасте и цветущем состоянии – это вопрос интересный. Есть гипотезы? Или тебе сначала пожрать надо? Что-то ты давно про еду не вспоминаешь.

– Да у меня же тут сумка с бутербродами... была... – Он поднял синюю спортивную сумку, потряс её. – Пусто... И, вправду, пожевать бы чего. Может, тормознёшь где-нибудь у кафешки? – проворчал Пётр и снова уткнулся носом в дисплей ноутбука. – Я бы от горячего не отказался. А гипотез пока нет – на месте смотреть надо. Кстати, как мы туда по-

падём, там же написано, что только на армейском вездеходе можно проехать?

– На нём и поедём. В Коргоне или в Усть-Кане пересядем. Да, в Коргоне, скорее всего. В любом случае ГАЗ-66 нанять – не проблема, там это основной транспорт. После коней. Слушай, всё спросить хочу, раз уж зашла речь о Поломошном... Ты там с научно-исследовательским сектором плотно контактируешь, слышал что про того непонятного стража? Всё покоя не даёт топотун поломошный. Что-то я слышал, что контакт с ним пытались установить. Ну, в любом случае, насколько я знаю, больше никаких нападений не было. Исмаилыч, царствие ему небесное согласно его вере, последней жертвой был. Я сильно не вникал, что это за хрень вообще? По РИПу вообще уже легенды ходят, недавно парни в охране про биоробота трепались. Ну, поржал с ними, отчего не развлечься? Однако наряду с этим бытует гипотеза, что, мол, волновую форму жизни открыли. Может, перестанешь гоготать и просветишь?

– Ну, новая форма жизни – это, конечно, сильно, – сказал Ботаник, просмеявшись, – но рациональное зерно в этом есть. Хотя мне вариант с биороботом больше нравится. Ладно, если без смеха, то рудник «Весёлый» заинтересовал Сорокина именно как продолжение темы Чёрной горы в Поломошном. Ты не смотрел спутниковые фотографии? Нет? Тогда слушай! Если совсем просто, то тут опять встаёт вопрос искажения геометрии пространства. Если в двух словах, то

наблюдается такой эффект: все наши страхи, подсознательные особенно, усиливаются и становятся материальными.

– Да ну на фиг, как такое вообще возможно? Ну, понятно, самовнушение, внушение, особенно под воздействием наркотиков, спиртного, но ты же не скажешь, что Исмаилыча на запчасти его собственные страхи разобрали? Не сам же он себя порезал?

– Есть гипотеза, моя, что там что-то вроде индукции происходит. Излучение нашего мозга, очень слабое излучение, которое к тому же экранируется черепной коробкой, вступает в резонанс с излучением непонятной природы, изменяется и возвращается к самому индуктору – в данном случае человеку – уже в усиленном виде. Многократно усиленном. А там уже по мере испорченности каждого – люди получают то, чего боятся. Ну вот ты темноты боишься, тебе шаги и мерещились, – Ботаник хлопнул меня по плечу и рассмеялся:

– Яш, тебя в детстве великанами не пугали?

– Да пошёл ты! Ты будто ничего не боишься?

– Я? Не, я за себя не боюсь. Я за людей всегда боюсь. Вот за паром боялся, как бы чего не случилось, переживал, хорошо ли Исмаилыч закрепил машину, да много из-за чего переживаю – но не долго, так – миг.

– А слова? Ну... эта формула... как её там? Ваде ретро монструм, что ли?

– А слова – тоже волна. Тоже воздух сотрясают. Колебания, вибрации – могут усилить, могут заглушить. Ну поче-

му было не попробовать? Волновая физика – это огромная страна, полная белых пятен! Ты даже не представляешь, какие возможности открываются! Вот что такое материя? Это энергия в относительно спокойном состоянии и...

И, оседлав любимого конька, Петро увлёкся. Я уже на следующей фразе потерял нить его рассуждений. Он постоянно забывал, что я не физик, не математик, я – юрист. И сейчас он говорил, как я понимаю, для себя. Что-то у него там, в голове, щёлкало, когда заучка проговаривал свои идеи вслух, и слова начинали складываться в стройные, почти реалистичные гипотезы, а совершенно фантастические идеи обрастали условиями, вполне даже в рамках законов физики и математики.

За разговорами незаметно доехали до поворота на Белокуруху. С хорошей дороги свернули тоже на асфальтированную, но гораздо худшего качества. Появились выбоины, а буквально через десять километров слева встала, как всегда неожиданно, зелёная стена гор. Вначале осени берёзы и осины сверкали жёлто-красными пятнами на мрачной зелени пихтача и кедров.

– Сейчас смотри, – Ботаник поднял голову от ноутбука, – тут по карте смотрю, будет гора Плешивая. Если на ней снег лежит, то зима нам предстоит в этом году суровая и снежная. Кстати, местный барометр. Представляешь, по этой высотке они погоду весь год предсказывают.

И точно, призрачное снежное сияние, словно вуаль, по-

крывало вершину горы. Я усмехнулся, подумав, что нам, по большому счёту, до климата нет дела. Холодная, тёплая – в городских квартирах, на машинах да с деньгами в кармане – какая разница до температуры воздуха снаружи, за окнами?

С каждым километром стена гор приближалась ближе и ближе, пока дорога наконец резко не повернула в глубину. Быстро проскочили Солонешное. Село явно приходило в упадок, покосившиеся заборы, заросли вездесущей крапивы, развалины клуба – обычное российское запустение. И великолепные горы вокруг. Невероятная красота, спуски – мечта любого горнолыжника, уступы, с которых можно летать на парапланах. Всё это составляло дикий и неприглядный контраст.

Дальше наш путь лежал вдоль Ануя. Ануй – ещё одна большая река в Горном Алтае, вдоль которой в последнее время открыто много стоянок древнего человека. И даже одного «двоюродного брата» нашли – денисовского человека. Это меня Пётр «обогастил» знаниями, пока я пытался вырлиться из села Солонешное на ануйскую трассу. Основная дорога шла вокруг села, но она была не очень заметна. Я на скорости проскочил поворот, и в результате минут сорок блуждали по сквозным улочкам райцентра. А Ботаник ни на миг не умолкал, оседлав своего любимого конька. Помимо денисовского человека, оказывается, в этих краях жили ещё и неандертальцы.

– Село, видимо, они проектировали, – с раздражением за-

метил в ответ я, выехав через очередной переулочек на улицу, по которой проезжали минут десять назад.

– Да нет, не они, тут между кроманьонцами, неандертальцами и денисовцами были гораздо более сложные отношения! – не поняв шуток, возразил Петро.

– Они, кстати, до сих пор не потеплели, – я кивнул на дерущихся посреди улицы женщин. Одна вцепилась второй в волосы, третья замахнулась на обоих коромыслом, к ним справа, из переулка, нёсся мужик с какой-то упряжью в руках, с другой улицы подтягивались ещё аборигены – как говорится, кто с кольём, кто с дубьём.

А вокруг стояли высокие, спокойные горы – молчаливые, гордые... Когда наконец выехали на тракт, я вздохнул с облегчением:

– Бодро едем. До обеда Солонешное проехали. К вечеру, глядишь, на месте будем.

На выезде остановились у заправки. Зашли в кафе. Ботаник, видимо, решив наесться впрок, сметелил две тарелки борща, порцию макарон с котлетами, и ещё набрал с собой булочек, шоколадных батончиков и прочей ерунды вроде чипсов. Я это и едой не считаю, но у Петра метаболизм такой, постоянно хочет есть, всегда голодный. Сам перекусил бутербродом с рыбой – тонкий пластик сёмги на смазанном маслом ломтике батона. Выпил чашку кофе. Особого аппетита не было, но с утра не завтракал, и если по пути закружится голова, то ничего хорошего из этого не будет.

В три часа дня были уже в Усть-Кане. Насчет ГАЗ-66 договориться не получилось, все советовали нанять машину в Коргоне – неприглядном селе, расположившемся среди таких же умопомрачительных красот. Там мы нашли местного проводника Серёгу.

– Отвезу, не сомневайтесь. И на каменоломни, и на прииск «Весёлый», и к Тимофею. Вот только с утрачка, и то часов в десять. Как оббывает...

Серёга, мужик лет тридцати, совершенно обычный, веснушчатый, улыбчивый, ничем особо не примечательный и на удивление трезвый. Камуфляжные штаны, ветровка из джинсы, под ней драный свитерок. Весь пропахший бензином, железом – в общем, обычный шофёр.

– А я и не пью вовсе, – не умолкал он, – не поманыват. К зиме надо готовиться. А я как гляну на нашу голытьбу, как они посреди зимы бегают, зубами лязгают да дрова клянчат, так удивляюсь – вот есть ум у людей али нету вовсе? Среди такого богатства жить и помирать – это постараться нада. Вот я щас на машине дровами промышляю, людям вожу, потом рыбу начну всю зиму на Чарыше ловить – тоже доход, да с огорода хорошо в этом году снял урожай. А скотина? Скотины у меня знашь скока? Да немного, ежели по большому счёту, коров всего три дойных, но молоко да масло в Бийск вожу, там сдаю торговкам на рынок – вместе с рыбой... Вы сёдня за огородом у меня – там покос дальше, вот за покосом в аккурат на ночёвку вставайте. Да вечерком заглядывайте,

моя баба сѣдня пельмени затеяла. А у моей Аньки знаете, как пельмени знатные? Да к завтраму соберѣт пожрать, рыбы нажарит да пирог сварганит...

Я смотрел на двор, на копошащихся в жухлой траве кур, вдыхал свежий горный воздух, пропитанный дымком бань, запахом навоза и густым мясным ароматом Анькиных пирогов, что сочился с летней кухни, пока ещё не закрытой на зиму. Ботаник сглатывал слюну, вполуха слушая хозяина подворья. А Серѣга просто светился, в его синющих глазах плескалась любовь, и он не умолкал, рассказывая о жене, о её борщах и солянках, о студне и рулетах, о батареях банок в погребе. Я улыбался, думая, как он умудряется при такой кулинарке жить и оставаться тощим, словно жердь? Ботаник сглотнул слюну, кашлянул, потом, пошарив в карманах, выудил оттуда надкусанный шоколадный батончик, облепленный крошками, шелухой семечек, прочим мелким мусором. Вообще-то, Пѣтр бы не обратил на такие мелочи внимания, просто бросил бы его в рот, замороженно слушая Серѣгу, – тот как раз дошѣл до коржиков, которые как «в детстве в школе давали – настоящие», – но перед напарником на задние лапы встала маленькая лохматая грязная собачонка и, попрошайничая, жалобно заскулила. Ботаник вздохнул, отдал псу шоколадку.

– А может, сегодня доберѣмся? – робко поинтересовался он, как я понимаю, чтобы прекратить «издевательство Анькиным ассортиментом».

– Может, и доберёмся. А я как? Там ночевать? Не-е-е... Не поманыват... – неожиданно жестко ответил Серёга.

– Так мы заплатим... Хорошо заплатим! – продолжал гнуть свою линию Петро, глядя в сторону летней кухни – оттуда как раз вышла хозяйка с большой, накрытой белоснежным полотенцем пластиковой чашкой.

– Серёжа, да хватит тебе гостей разговорами кормить, с болтовни чай сыты не будете. Нате вот, угощайтесь на здоровье, – и она протянула Петру круглую жёлтую чашку. Тот расплылся в улыбке, отогнул край полотенца, потом снял его, передав хозяйке со словами:

– Вот уж спасибо!

– Да не за что, – Анна рассмеялась, – добра-то – пирогами поделиться. Вижу же, что с дороги голодные, а этот чурбан до самой ночи балаболить будет, ни капельки не сочувствуя. Ладно, ежели чего, устройтесь – ужинать зайдёте?

– Да уж чё не сочувствую? Очень даже сочувствую. – проворчал Серёга, но не сердито, строжась, скорее для порядку – супруга в разговор мужской влезла. – Я сам чувствую, что пожрать поманыват. Ты там скоро уже? – Но супруга, погрозив ему пальчиком, лукаво улыбнулась и скрылась в небольшом, отдельно стоящем от основного ряда хозяйственных построек, домике – летней кухне. – Не, я б отвёз, приедь вы со вчера или поутру. А ночью – не... Я чё? Самоубивец? Да и делов полно и вечером полно и утром... Скотина... Хозяйство... Догляд за всем нужен... Вот что, мужики, ежели хо-

тите, загоняйте машину ко мне во двор. А то можете на берегу поспать, ежели есть потребность к романтике. У нас не пакостят. Народ остался в посёлке спокойный. Нешебутной. Если кто спросит, скажете к Серёге приехали. А так многих я кого куда вожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.